МЕЖДУ ДѢЛОМЪ БЕЗДѢЛЬЕ,

КОМЕДІЯ.

Сочиненія Г: Алленваля.

Переводъ съ Нѣмецкаго языка.
Н: П:

Печатана въ Санктпетербургѣ
Въ типографіи у Х. Геннига 1784 года.
Съ дозволенія Управы благочинія.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Гж: *Слабоумова*, Вдова.

Маремьяна, Дочь ея.

Г: *ПередѢловЪ*, КапитанЪ, любовникЪ МаремьянинЪ.

Г: *НеудачинЪ*, СовѢтникЪ, женихЪ МаремьянинЪ.

УрванецЪ, ВѢстовой ПередѢлова.

Лукерья, Горнишная дѢвка Госпожи Слабоумовой, а повѢренная Маремьяны.

ХаритонЪ, Наемной лакей Слабоумовой.

ДѢйствіе происходитЪ вЪ залѢ дома Госпожи Слабоумовой.

М: Г:!

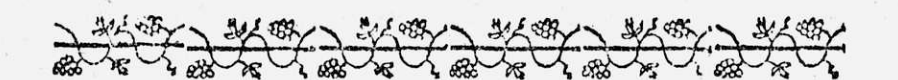
ТрудовЪ моихЪ переводЪ сей небольшей Комедіи возымѢлЪ я нынѢ смѢлость посвятить ВамЪ, М: Г:, по той причинѢ, что Вы изволите оказывать кЪ таковаго рода сочиненію отличную охоту. Не ручаюсь за то, чтобЪ содержаніе ея могло ВамЪ понравится, а тѢмЪ менѢе еще надѢюсь, чтобЪ слогЪ вЪ оной могЪ заслужить нѢкоторое сЪ стороны Вашей уваженіе; но Ваше великодушіе, коимЪ одарены Вы сЪ излишествомЪ, знаю я, заставляетЪ меня ласкатся надеждою, что Вы, М: Г:, не оставите принять знакЪ сей моего искренняго кЪ ВамЪ усердія благосклонно, на что уповая сЪ должнымЪ моимЪ почтеніемЪ пребыть имѢю.

ВашимЪ,

М: Г:!

всепокорнѢйшимЪ слугою,

Н: П:.

Между дѣломъ бездѣлье.

ЯВЛЕНІЕ Iе.

Гж: Слабоумова, Маремьяна и Лукерья.

Гж: Слабоу: Признаюсь, любезная дочь, что ты, за оказанное нынѣ съ стороны твоей послушаніе, на требуемое мною отъ тебя согласіе, сочетатся бракомъ съ Господиномъ Совѣтникомъ, заслуживаешъ не малую похвалу себѣ. Безспорно, что нрава онъ хотя нѣсколько и вспыльчивова, а притомъ и дарованій слишкомъ отмѣнныхъ предъ здѣшними щоголями, уважаемыми отъ большей части женщинами нынѣшнево свѣта, немного въ себѣ имѣетъ; но привсемъ томъ не недостаетъ же у нево и разума на то, чтобъ уподоблятся тѣмъ безпутнымъ шелунамъ, которые, заражены будучи различными пороками, причиняютъ тысячу безпокойствъ полу оному.

Сверьхъ тово, онъ не глупъ, изъ себя довольно виденъ, привѣтливъ, а притомъ еще чиновной и достаточной человѣкъ. Упрямства ево, случающагося иногда, опасатся тебѣ нечево; а невѣрности къ себѣ и тово менѣе. Излишную во всемъ воздержность хотя и наблюдаетъ онъ часто; но сїе самое послужитъ лишь тѣмъ болѣе къ будущему вашему благополучїю. Чтожъ касается до любви ево къ тебѣ, то не терпѣливо желала бы я, чтобъ ты сама была очевидною свидѣтельницею полнова ево удовольствїя, которое я предъ нѣсколькими только минутами потщилась произвести въ немъ, увѣдомленїемъ твоихъ о немъ мыслей, весьма для нево лѣстныхъ. Немѣрная ево радость при семъ случаѣ, простиралась столь далеко, что онъ не преминулъ бы учинить всево тово, что только могло придти ему на умъ, какъ видно то отчасти и изъ тово, что въ возблагодаренїе за то, намѣренъ онъ еще сево же вечера сдѣлать для

для тебя вечеринку. Итакъ, поди теперь, поди, любезная моя дочь, и приготовься къ тому; а ты Лукерья, помышляй болѣе всево о завтрешнемъ нашемъ возвратномъ отсюда отъѣздѣ.

Лукерья. Да итакъ уже, Сударыня, все готово къ отъѣзду.

Гж: Слабоу: Но мнѣ надобно закупить еще кой какїя мѣлочи, которыхъ покупка однакожъ, думаю я, не надолго задержать меня здѣсь можетъ. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНIЕ IIе.

Маремьяна и Лукерья.

Лукерья. Итакъ, Сударыня, теперь то я смѣю поздравить васъ вправду съ благополучїемъ, такъ какъ будущую Госпожу Совѣтницу.

Маремьяна. (Смѣется.) Ха! ха! ха!

 Луке-

Лукерья. Вамъ это смѣшно, Сударыня, а мнѣ напротивъ тово весьма чудно то кажется! — Да полно смѣйтесь, смѣйтесь, можетъ быть не надолго продолжится смѣхъ этотъ. (Маремьяна продолжаетъ хохотать, а Лукерья говоритъ между тѣмъ.) Однакожъ, шутки въ сторону, Сударыня. Скажите пожалуйте мнѣ, какъ возможно было статься тому, чтобъ такой фофанъ, котораго вы прежде ненавидѣли столь много, могъ нынѣ найти случай такъ понравится вамъ?

Маремьяна. (Смѣючись.) Дурочка, дурочка. Развѣ ты думаешь и въ самомъ дѣлѣ, что я ево люблю?

Лукерья. Тото вить мнѣ и странно то кажется! — Не менѣежъ, удивляюсь я и тому, что матушка ваша спѣшитъ свадьбою; а отъ васъ слышу я совсемъ тому противное.

Маремьяна. Ну, такъ о чемъ же и заботисся ты столько?

Лукерья. Да какъ, Сударыня, не заботится. Что скажетъ бѣдной Передѣловъ, провѣдавъ о столь достойномъ смѣха бракѣ вашемъ. Или вы не помните уже болѣе вашихъ слезъ при разлукѣ съ нимъ, съ которыми вы ево за четыре мѣсяца предъ симъ временемъ оставить принуждены были? Позабыли уже вы развѣ обѣщанїи, данныя самимижъ вами во увѣренїе о ненарушимой къ нему вѣрности, обнадѣживъ ево оными одново имѣть своимъ супругомъ? — Но полно онъ бѣднинькой полагается во всемъ на клятвы любовницы своей; да и я, будучи тронута страстїю къ себѣ прекраснова ево камердинера, по примѣру вашему принуждена была также клястся непремѣнною вѣрностїю моему любезному, (Въ сторону.) которую я и сохранить потщусь до гроба моево.

Маремьяна. Но что скажешь ты тогда, когда увѣрю я тебя въ томъ, что они оба въ здѣшнемъ городѣ находятся.

Лукерья. Можетъ ли это статся, Сударыня!

Маремьяна. Точно такъ. Я видѣла ихъ обѣихъ севодни поутру, идучи изъ церькви; и признаюсь тебѣ, Лукерьюшка, что никогда не видывала я столь прелѣстнымъ Передѣлова, какъ севодни. При перьвомъ ево на меня взглядѣ почувствовала я въ сердце моемъ преужасное движенїе, и мнѣ казалось на глазахъ ево изображеннымъ чрезмѣрное желанїе говорить со мною, что и учинилъ бы онъ конечно, естьлибъ только не помѣшало ему въ томъ присудствїе моей матушки. Будучижъ лишенъ удовольствїя говорить со мною, приказалъ онъ, какъ показалось мнѣ, своему слугѣ не выпускать меня ни напяди изъ глазъ, чтобъ примѣтить, можетъ быть, домъ, куда я пойду.

Лукерья. Ахъ! Какую радость причиняете вы мнѣ симъ извѣстїемъ, Сударыня. Поэтому прибытїемъ ихъ сюда получили вы не малую себѣ подпору въ сопротивленїе намѣренїю Господина Неудачина?

Маремьяна. Такъ ты и по сю пору еще не можешь догадатся, что все сїе дѣлаю я только для большево успѣха въ любви моей къ Передѣлову!

Лукерья. Да какуюжъ пользу, надѣитесь вы, Сударыня, получить отъ тово?

Маремьяна. Какъ какую? — А вотъ, по причинѣ даннова мною согласїя Господину Неудачину, сдѣлала я уже то, что могу свободно видѣтся съ моимъ любезнымъ Передѣловымъ, на имѣющемъ быть севодни въ вечеру у насъ балѣ. — Не довольно ли этова для перь

вова раза, скажи мнѣ? (Въ сторону.) Какая радость! какоежъ удовольствіе!

Лукерья. (Въ сторону.) Чему не научитъ, подумаешъ, любовь! (Маремьянѣ.) Такъ поэтому и я, Сударыня, по вашей милости могу надѣится имѣть удовольствіе облобызать при семъ случаѣ нѣсколько разъ любезнова моево? — О! естьлибъ только будущее сіе удовольствіе наше не было пресѣчено вскорѣ какою нибудь нечаенностію; но я опасаюсь тово, потому что завтрешней день назначенъ къ нашему отъѣзду отсюда; а на другой витъ день прибытія нашево въ деревню, будете вы уже супругою нашево урода.

Маремьяна. Не уже ли ты въ томъ сумнѣваесся, чтобъ Передѣловъ не сталъ старатся въ изыскиваніи средствъ, служащихъ къ отвращенію отъ себя собственнова ево несчастія?

Луке-

Лукерья. И конечно. — Да полно и я также не менѣе полагаюсь во всемъ на Урванца, слугу ево, котόрова столь нетерпѣливо видѣть мнѣ хочется, — А! Да вонъ кто то и идетъ сюда, Сударыня.

ЯВЛЕНІЕ IIIе.

Маремьяна, Лукерья и Урванецъ.

Урванецъ. (Кланяясь.) Здравствуйте, здравствуйте, Сударыни.

Маре: и *Луке:* (Обѣ вмѣсти.) Здравствуй, здравствуй, Урванецъ. Добро пожаловать.

Урванецъ. Все ли то вы, Сударыни, въ добромъ здоровье поживаете?

Маре: Слава Богу.

Урванецъ. (Подходя къ Лукерьѣ.) А тебѣ каково можется лебедка моя?

Луке-

Лукерья. Твоими молитвами, батька, все по старому.

Урванецъ. Неужто моими молитвами! Куда какъ ты, матка моя, меня обрадовала.

Маремьяна. (Перебиваетъ у него слова.) Послушейка, скажи намъ пожаласта, можетъ ли твой Господинъ?

Луке: Да и про себя также не позабудь сказать, все ли ты въ добромъ здаровье.

Урванецъ. (Улыбаясь.) Оба мы такъ здоровы, Сударыня, что и пересказать то не могу я вамъ тово. — Мою милость, Милость ваша сами изволите видѣть; а что до Милости Господина командира моево принадлежитъ, то и ево благородїе скоро, надѣюсь, увидите у васъ въ домѣ. — Съ тѣмъ то вить меня онъ сюда и отправить благоволилъ, чтобъ я, яко повѣренная ево особа, этими слѣдищами (Указывая на ноги.) проложила сперьва ему дорогу къ свободному шествїю въ сїи благообразные вертепы. — Ну, а ты, пташка моя, Лушинька, какъ поживаешь? Дозволька мнѣ инъ теперь хоть полизать себя съ радости, увидившись съ тобою. (Лезетъ обнимать ее.)

Маре: (Беретъ его за руку) Да погоди немного, будетъ еще время тебѣ наговорится съ нею. Скажи мнѣ пожаласта, не перемѣнился ли нынѣ Господинъ твой въ разсужденїи меня?

Урванецъ. Ништа вы, Сударыня, сумнѣваетесь въ ево ласкѣ къ вамъ! А у насъ только что теперь кончилась о васъ речь — Однакожъ, правду матку сказать, погрѣшу я не тото што больно много, естьли увѣдомлю тебя, Сударыня, (Говоритъ весьма не скоро.) что онъ, страстно, страстно любитъ, — любитъ, — (Чешится самъ въ головѣ)

Маремьяна. (Подбѣгая къ нему, спрашиваетъ его въ смятенїи.) Что! Что! Онъ любитъ страстно! Да ково, ково?

Урванецъ. О! Сударыня, принуждаете меня по неволѣ вымолвить. Онъ любитъ весьма сильно ро — ро — роту солдатъ своихъ.

Маре: Тфу къ чорту! Какъ ты напужалъ меня теперь.

Луке: А ты соколъ ясной, любишъ ли еще меня столькожъ, какъ прежде?

Урванецъ. (Ухмыляясь.) Люблю ли? Вотъ еще какой нововыпечатанной вопросъ! — Какъ не любить такую лебедочку. — Знаешъ ли Лукерья, что съ самой минуты разлуки моей съ тобою, ни одна стопчка не можетъ на меня бить челомъ, въ которой бы я за драгоцѣнное твое здоровьюшко не наклюкался исполагоря, и по выходѣ изъ оной, шатаючись по бѣлу свѣту не состроилъ бы подъ одинъ почеркъ всей грамоты Китайской. А какъ дорогимъ то имечкомъ твоимъ, то естьли не обманываюсь, изчерканы и расписаны всѣ уголки и закаулки тѣхъ фарпостовъ, гдѣ только ни случалось мнѣ на часахъ прохлаждатся. Правотка ну. (Подходитъ потомъ къ Маремьянѣ.) Да вы, Сударыня, давно ли изволите обрѣтатся въ семъ городѣ, и за какою имянно надобностію изволили пожаловать сюда?

Маремьяна. Уже около мѣсяца времяни назадь тому; а приѣхали мы сюда за нѣкоторымъ дѣломъ, которое, слава Богу, и окончать намъ удалось счастливо. Но ты съ бариномъ твоимъ, какъ давно здѣсь?

Урванецъ. (Въ сторону.) Сказать, да чтобъ не соврать. (Маремьянѣ.) Есть уже тому денька съ четыре, съ пятокъ и около полудюжины назадь, какъ мы сіи лѣпообразные удѣлы присудствіемъ нашимъ удостоивать изволимъ.

Маре-

Маремьяна. За чемъ же вы сюда приѣхали?

Урванецъ. За чемъ? — Чинить наборъ бритымъ лбамъ, Сударыня, (Заглядываетъ между тѣмъ по перемѣнно въ глаза обѣимъ.) Но посмотрите‑ка немного на меня по пристальнѣе. — Что за глаза! Что за личики! Побери меня лихая болѣсть, естьли не предузнаю я изъ нихъ, что мы, вмѣсто стриженыхъ головушекъ, имѣть будемъ дѣло съ здѣшними дѣушками красотушками.

Лукерья. А я такъ дрожу со страха, видѣть противное словамъ твоимъ.

Урванецъ. Чтожъ! Чтожъ такое! — Что еще за новость у васъ?

Лукерья. Много, много и старова и нового, такъ что всево и не переслушать тебѣ.

Урва-

Урванецъ. Ну, да полножъ шутить то со мною, мать моя, говори што ли попроворнѣе, вить мнѣ не отъ досуга съ тобою балагурить та долго, а пора домой убиратся.

Лукерья. Что всево важнѣе у насъ, такъ это то, что Госпожа Слабоумова намѣрена выдать дочку свою за мужъ за Господина Неудачина, Совѣтника здѣшняго приказа, которой уже съ нѣкоторова времени съ нами и въ одномъ домѣ живетъ вмѣсти.

Урванецъ. Не ужта такъ! (Къ Маремьянѣ.) Поволите ли полно повѣрить, Сударыня, речямъ сей пустомели, которыя, какъ кажется мнѣ, клонятся болѣе къ тому, что яко бы ваша Милость изволитъ намѣрятся къ нарочитой препорціи носа благодѣтеля моево, а вашево прежнево полюбовничка, приставить еще небольшую надставочку, предпочтенїемъ ему необтесанной подьячины.

 Маре-

Маремьяна. (Вздыхаючи.) О! другъ мой, она всему тому свидѣтель, сколько я претерпѣла досады въ этомъ дѣлѣ отъ матушки.

Урванецъ. Такъ инъ не худо же, Сударыня, поэтому дѣится въ вашихъ палестинахъ! — А вы и охотитесь исполнить требованіе сіе?

Маремьяна. Ахъ! нѣтъ, нѣтъ. Для ради Бога, пусь баринъ твой постарается какъ можно поскорѣе о средствахъ къ разрыву сево противнова мнѣ брака. Побѣгай пожаласта скорѣе, и увѣдомь ево о томъ.

Лукерья. И я о томъ же прошу тебя душинька.

Маремьяна. Ступай же скорѣе, не теряя времени; оно дорого какъ для нево, такъ и для насъ теперь.

Урванецъ. Ахти! Ахти! Не ужли таки такъ и приспичело. Не торопомъ, Суда-

Сударыня, не торопомъ, дайте сроку; вить не уйдетъ это еще, дней впереди много, пожалуйте не кручиньтесь: доселева никто еще не можетъ почванится тѣмъ, чтобъ у насъ, у такихъ ухтарскихъ залетовъ, могъ бы когда вырвать кусокъ изо рту; а развѣ мы у ково, такъ это дѣло статочное, да еще и съ зубами въ барышахъ; а чево Богъ похочетъ, и весь ротъ не останется попрежнему. Подобные сему случаи переделывать наше дѣло молодецкое. Положитесь ужъ, Сударыня, пожалуйте во всемъ на нашева брата, отдувалова десятка парня.

Лукерья. Когдажъ обязываесся ты теперь служить намъ, то употребляй какъ возможно скорѣе всѣ твои стараніи къ пресѣченію грозящева намъ нещастія; потому что завтре назначенъ намъ отъѣздъ отсюда.

Урванецъ. Не вправду ли! Вотъ еще новая штука какая! — Да полно ужъ не

не тужите пожалуйте. — А какъ зовутъ новореченную эту чучелу?

Лукерья. Гдѣ тебѣ ево знать. Онъ одинъ изъ тѣхъ подбираловъ, которые обыкновенно носятъ за ухомъ перья, а въ карманѣ чернилницу: имя ево Вавила, а прозвище Неудачинъ.

Урванецъ. Какъ? какъ?

Маремьяна. Господинъ Неудачинъ.

Урванецъ. Неудачинъ? Неудачинъ? — Вотъ еще фелька какая! — Это тотъ та долговязой кащей, скаредная позитура съ кривыми ножищами, у котораго, помнится, еще и ротъ скривило на сторону?

Лукерья. (Перебиваетъ речь его.) Онъ, онъ, самой тотъ. Ахъ! какъ же ты потрафилъ ево.

Урванецъ. (Продолжаетъ говорить.) Та мерзлявая харя, безмозглая головища, дренная тварь?

Луке-

Лукерья. (Улыбаясь.) Ты точь въ точь описалъ ево своими словами. Да развѣ ты ево знаешь?

Урванецъ. Еще бы не знать такой всесвѣтной креатуры, настоящево шмерца, котораго бывало я въ старину повседневно за чупрунъ дергалъ въ школѣ.

Маремьяна. Ты вмѣсти съ нимъ учился?

Уванецъ. Да знать то такъ, Сударыня, когда говорю, что изъ рукъ почти не выпускалъ ни напяди сальной ево щепины до самыхъ тѣхъ поръ, покудова не вышли мы оба изъ школы; да и потомъ уже, какъ будто бы нарочно старался кто о неразлученіи моемъ съ нимъ, попались мы жить вмѣсти въ домъ къ одному знатному боярину, гдѣ онъ должность пищика, а я лакейскую отправляли.

Маре-

Лукерья. Небезчево еще въ знатномъ домѣ жилъ; а ума у нево ни на полушку нѣтъ.

Урванецъ. Да вить онъ и тамъ то не могъ ужится долго. Барыня сей знатной персоны почела было строить съ нимъ полюбовныя шычки; но примѣтя небогатой ево умишко, выплакала наконецъ у сожителя своево на мѣсто сей глупинькой твари посвѣтить другова молодца себѣ въ полюбовнички. (Смѣется.) Ха! ха! ха! Господинъ Неудачинъ, Вавила Фофанычь. Такъ это ты тотъ та, которой въ завязную съ нами вплѣстись хочешь? Не худо, не худо, посмотримъ ка, чемъ тото это полно кончится?

Маремьяна. Ахти! Я было и позабыла сказать тебѣ самое нужное дѣло. Севодни въ вечеру обѣщалъ онъ сдѣлать для насъ небольшую пирушку.

Урванецъ. Ну такъ чтожъ! Тѣмъ лучше, Сударыня. Тутъ то и побѣду то

то надѣится одержать нашъ братъ урванецъ надъ такимъ олухомъ. (Въ сторону.) Пропляшетъ онъ у меня небось по дудочкѣ на одной ношкѣ, попьетъ пивца такъ, что по усамъ потечетъ, а въ ротъ не попадетъ. Добро, добро. — (Оглядываясь потомъ назадъ.) Ахти! Да я уже и позакалякался съ вами. Прощайте, матушки, сударушки, теперь остается мнѣ только увѣдомить о всемъ боярина. (Хочетъ идти.)

Лукерья. (Удерживая его.) Куда какъ ты, батька, торопокъ сталъ нынѣ, пошелберь еще съ нами что нибудь.

Урванецъ. Пошалберь! Пошалберю я уже, дайка сроку, такъ что и самимъ вамъ можетъ быть не любо то будетъ. Прикачу сюда со всею моею полевою и осадною, чтобъ выжить изъ окоповъ сихъ втюрившевося Господина свояка нашево. — Не боюсь я нимало тово, что хозяинъ обители сей за одно съ нимъ; мнѣ вить

 все

все равно драться то, что здѣсь, что на баталiи съ бариномъ. Въ вашихъ же глазахъ прилѣплю я общему злодѣю нашему бумажной носъ. (въ сторону.) Нѣтъ, братъ, ты таки и не помышляй тово, да и въ головушкѣ своей не держи, чтобъ отдѣлатся со мною на мѣдныя денешки. Нѣтъ, другъ мой, я вить не трусова поля ягода, не крапивнова сѣмя зернышко. Не на простофилева десятка изчадье наскочишь ты. — Ну! такъ инъ прощайтежъ, сударки мои; только, ради Бога, смотрите, держите ухо востро, притворяйтесь какъ возможно, будто бы вы насъ и отъ роду родовъ не видывали, естьли я къ вамъ прикачу съ бариномъ; а я ужъ постараюсь съ моей стороны подрадѣть ему платьецо на нонищней хфасонъ. Прощайте, и ты Лукерьюшка оставайся благополучно. (Идучи съ театра, оглядывается на Лукерью.) Не зевай же, другъ мой, смотри.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНIЕ IVe.

Маремьяна и Лукерья.

Лукерья. Вотъ, Сударыня, какъ время то перемѣняется; слово слово какъ картошная игра: въ одну минуту перебѣгаетъ въ ней щастiе съ хорошей на худую, а съ худой на хорошую стороны. За минуту только предъ симъ, были мы обѣ преисполнены отчаянiя, а теперь вдругъ очутились на самомъ верьху радости.

Маремьяна. О! какъ щастлива была бы я, естьли бы —

Лукерья. (Перебиваетъ слова ея.) Пожалуйте уже положитесь, Сударыня, на слугу Передѣлова: онъ не преминетъ исправить удачно все дѣло, на нево возложенное: въ ево головѣ не недостаетъ, знаю я, разнова рода выдумокъ

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНIЕ Vе.

Г: Неудачинъ, Маремьна и Лукерья.

Г: Неудачинъ. (Будучи за кулисами еще, кричитъ.) Ахъ! мошенники, ахъ! злодѣи. Экïе плуты! Экïе безбожники! Охъ! охъ! враги рода человѣческаго!

Маремьяна. Посмотритка Лукерья, кто разсердилъ тамъ дурачка то нашево.

(Господинъ Неудачинъ входитъ на театръ запыхавшись съ взъерошеннымъ парикомъ, разодранными манжетами, безъ шляпы и безъ пряшки у башмака, а притомъ и въ замоченномъ кафтанѣ, продолжая говорить съ сердцемъ.)

Обезчестить такъ! да еще Совѣтника! Видано ли гдѣ нибудь, слыхано ли то когда! Экïя пахабники! —

Лукерья. (Смѣется изъ всей мочи.) Ха! Ха! Ха! Въ какомъ прекрасномъ нарядѣ, Сударыня, Господинъ Совѣтникъ нашъ. Ха! Ха! Ха!

Маре-

Маремьяна. Что съ вами сдѣлалось Вавила Фалелеичь?

Г: Неудачинъ. Охъ! Охъ! Душатка моя, лебедка моя. — Подожди немного; — дай сперьва собратся съ силами. — Охъ! Чуть, чуть душа не выскочитъ вонъ. Охъ! —

(Во время сïе хохочетъ Лукерья.)

Маремьяна. Уже ли ты нахохоталась, Лукерья, до сыта? Мнѣ кажется пора бы и перестать тебѣ.

Лукерья. (Продолжаетъ смѣятся.) Ахъ! Боже мой, да не можно удержатся, Сударыня, чтобъ не смѣятся. Ха! Ха! Ха! не всели въ такомъ нарядѣ Господа Совѣтники ѣздятъ на балы? Ха! Ха! Ха!

Г: Неудачинъ. Чуть, чуть было голубка моя не овдовѣла ты прежде свадьбы нашей.

Луке-

Лукерья. (Въ сторону.) Конечно это каверзы Урванцовы! — Ахъ! Боже мой! Какъ блиско находилось благополучіе наше отъ насъ!

Маремьяна. Какоежъ нещастіе, Сударь, приключилось вамъ?

Г: Неудачинъ. Пренаивеличайшее, радость моя. — Расказалъ бы я тебѣ ево, пожалуй, отъ слова до слова; но боюсь, правотка, боюсь причинить тебѣ тѣмъ безпокойствіе. Любовь твоя ко мнѣ такъ велика, знаю я, что повѣсть о случившемся со мною теперь нещастіи стоить будетъ тебѣ многихъ слезъ.

Лукерья. О! Не печальтесь, не печальтесь, Сударь, о томъ; барышня моя постарается уже это снести равнодушно; чтожъ до меня касается, то я ужъ чуть, чуть не начинаю плакать со смѣха. Ха! Ха! Ха!

Г:

Г: Неудачинъ. Инъ быть такъ, пришло видно удовольствовать прозьбу твою. — Не задолго до приходу моево сюда, пошолъ было я изъ дому съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ посѣтить одново изъ моихъ пріятелей, и оттелева съ нимъ придти вмѣсти на балъ домой; но вышедъ лишъ за городскія ворота, усмотрѣлъ я на дорогѣ лежащую серебреную монету; а какъ мнѣ вздумалось поднять ее, то лишъ только нагнулся было я за нею, какъ вдругъ почувствовалъ жестокой ударъ по спинѣ прутомъ отъ одново скареднова мальчишки. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовалъ другой, и естьли бы, приподнявшись, не далъ я ему хорошева тумака, то безъ сумнѣнія и третьимъ бы онъ меня наградить не замѣшкался. Къ большемужъ моему нещастію, за грѣхи мои, видно, принадлежалъ вражонокъ этотъ одному изъ проклятыхъ кучеровъ, неотмѣнно видѣвшихъ начало и конецъ

ссоры

ссоры нашей, изъ которыхъ числа, соскоча нѣсколько поудалѣе протчихъ съ козелъ, стоявшихъ неподалеку отъ тово мѣста каретъ, ни съ перьвова слова хлопъ меня по уху, начали трепать бѣдныя мои пукли, — Охъ! — Охъ! (Охавши, хватаетъ руками себя подъ животъ, а потомъ, помолчавъ нѣсколько, въ которое время Маремьяна смѣется, а Лукерья хохочетъ, продолжаетъ говорить паки.) и почели теребить мой парикъ. Въ угроженїе имъ, повторялъ было я нѣсколько разъ, что они дѣло имѣютъ съ Господиномъ Совѣтникомъ; однакожъ ничто не помогало смягчить ярость ихъ, покуда наконецъ, видя бѣду неминучую, не укротилъ нѣсколько ихъ жара брошенной мною имъ кошелекъ; но и тутъ еще не хотѣли было эти безбожники оставить меня въ покоѣ, потому что безпрестанно шетающаяся по улицамъ шайка бездѣльниковъ, принявъ также ихъ партїю, принудила и хотѣвшихъ было уже меня оставить, возобновить кулачные прицѣлы о бока мои. Охъ! — Охъ! — Охъ! Такъ что инъ и теперь больно, какъ вспомню ихъ. — Итакъ, вся сволочь эта провожала меня до самыхъ городскихъ воротъ съ немалымъ восклицанїемъ и хохотомъ, силясь другъ передъ другомъ, какъ будто бы о какомъ преимуществѣ, поддавать кулаками своими мнѣ въ затылокъ. — Охъ! щастливъ еще право я, что сраженїе это происходило не въ дальномъ разстоянїи отъ города; а то бы убили мошенники эти до смерти: послѣжъ, хоть шкуру изволь содрать съ нихъ, такъ нечево бы было взять тебѣ. — Охъ! — Охъ! — Охъ! (Садится потомъ на стулъ.)

Лукерья. По этому я не сумнѣваюсь, Сударь, что гостинцы эти для васъ вперьвыя еще въ жизни вашей?

Г: Неудачинъ. (Продолжаетъ расказывать.) А протчїе, свѣтъ мой, Маремьяна Анкудимовна, такїежъ всемїрные плуты,

плуты, товарищи ихъ, сидя на козлахъ, чемъ бы подать руку помощи, кричали во все горло, хорошенько, хорошенько зеваку такова, впередъ не будетъ связоватся съ малымъ ребенкомъ. — Охъ! — На силу, на силу уже, такъ сказать, доползъ я до воротъ, гдѣ вскочивши на ноги, почелъ не мѣшкавъ требовать въ помощь себѣ полицейскаго пристава. Многія, случившіяся тамъ, показали мнѣ на одну обрушившуюся почти бутку, и совѣтовали въ ней искать себѣ спасенія. Пылаяжъ мщеніемъ проклятымъ симъ душегубцамъ, съ непонятною скоростію вскочилъ я стула; но надѣясь тамъ найти себѣ защиту, къ большей моей досадѣ былъ облитъ сверьху съ головы до ногъ водою; а можетъ быть еще и помоями, въ чемъ почти и сумнѣватся не можно. (Встаетъ потомъ со стула.) Такія бестіи! Такіе похабники!

Маре-

Лукерья. (Смѣется изо всей мочи.) Ха! ха! ха!

Г: Неудачинъ. (Продолжаетъ говорить.) Да полно щастливы они канальи, что связались съ такимъ человѣкомъ, которой скоро умѣетъ позабывать причиненныя ему обиды.

Мяремьяна. Чтожъ ты не смѣесся болѣе Лукерья?

Г: Неудачинъ. Не замай ее, не замай изволитъ хахатать; меня она вить этимъ ни мало не трогаетъ.

Лукерья. Всево болѣе смѣюсь я тому, когда воображаю то, что есть ли бы Господину Совѣтнику не удалось паче чаянія такъ скоро избавится отъ рукъ проклятыхъ этихъ злодѣевъ, то бы они можетъ быть приклѣили особѣ ево наконецъ совершенную ношу какъ съ зади, такъ и съ переди.

 Г:

Г: Неудачинъ. Правду, правду, Лукерьюшка говоришь ты: въ самой вещи не лучше бы отпестовался я отъ ихъ поганыхъ рукъ.

Маремьна. То та вы, Сударь, послѣ баньки та эдакой и учтивы стали; болѣе ужъ не изволите говорить, какъ бывало прежде, сидя и въ шляпѣ; однакожъ получше бы было, естьлибъ вы поберегли на теперишней разъ головушку вашу, которую легко простудить можно. — Ахъ! да бишь я и позабыла было, что вы шляпу та вашу потеряли на сраженїи. — Такъ нате хоть платокъ мой. (Вынимаетъ изъ кармана, и подаетъ ему.)

Г: Неудачинъ. Будучи съ тобою вмѣсти, Ангелъ мой, не простужусь уже я, не печалься. Ничево еще не видя, выходитъ уже у меня все изъ головы, и я не чувствую ничево болѣе, прелѣпа моя.

Маре-

Маремьяна. Радуюсь, радуюсь, Сударь.

Г: Неудачинъ. (Въ сторону.) Смотритка, какъ любитъ она меня; а я было и не чаялъ правотка тово! — Надобно думать, что за мною есть еще такой какїя скрытныя таланты, которыхъ я и самъ не усматриваю въ себѣ. (Къ Маремьянѣ.) Нѣтъ, нѣтъ, никакъ не можно мнѣ оставить тебя одну здѣсь. — (Вынимая изъ кармана ключь, подаетъ Лукерье.) На, Лукерья, вотъ тебѣ ключь отъ моей горницы.

Лукерья. Да на что мнѣ ево?

Г: Неудачинъ. Поди туда, и принеси пожаласта другой парикъ, другой кафтанъ и другїя тряшки.

Лукерья. Мнѣ! мнѣ идти въ вашу горницу! — полно, Сударь, пустое говорить Господинъ Совѣтникъ. Вить не вамъ стыдно будетъ тогда, какъ увидитъ

увидитъ меня кто нибудь изъ здѣшнихъ, выходящую изъ дверей комнаты холостова человѣка. — Я не хочу права для одной бездѣльной вашей прихоти слыть навсегда безчестною женщиною, не смотря на то, что отправляю только должность служанки сево дома.

Маремьяна. И въ самомъ дѣлѣ она правду говоритъ. Подитетка, слѣтайте лучше сами.

Г: Неудачинъ. По приказанію инъ твоему, сударка моя, съ радостію полѣчу я туда, и въ одинъ мигъ опять увидишъ ты меня предъ собою.

Маремьяна. О! для меня, для меня не длячево вамъ безпокоится такъ много.

Г: Неудачинъ. Нѣтъ, нѣтъ, я знаю дитетко мое, что время безъ меня тебѣ весьма долго покажется. Потерпи только крошичку, я сей же моментъ приду къ тебѣ, и тогда то ужъ

ужъ съ головушки до ногъ твоимъ буду. — (Въ сторону.) Не знаю, не знаю право, чему только приписать это, что она такъ меня севодни приголубливать изволитъ! (Къ Маремьянѣ.) Ну такъ, приготовляйся же лапушка моя къ севоднишнимъ танцамъ; а я ворочусь очень скоро назадъ. (Отходитъ.)

Лукерья. (Кричитъ ему въ слѣдъ.) Съ Богомъ! Съ Богомъ! Попокойтесь лучше, Судырь, тамъ нѣсколько послѣ баньки то. Ха! Ха! Ха! — (Къ Маремьянѣ.) Какъ вы думаете о этомъ происшествіи, Сударыня? Я право удивляюсь тому, что вы, слушая о томъ исторію, столь были терпеливы, что и не улыбнулись почти!

Маремьяна. Какъ и тебѣ не стыдно смѣяться, Лукерья, на счотъ сево бѣднячка; вить онъ уже и безъ тово претерпѣлъ довольно много себѣ посмѣянія.

 Луке-

Лукерья. Да для чевожъ, Сударыня, и не смѣятся то? — Знаетели, что я ни чево бы не захотѣла въ свѣтѣ болѣе, естьли бы только удалось мнѣ видѣть самое дѣйствіе прекраснова сево спектакеля. — То то смѣщно то, думаю я, было; а особливо, какъ онъ по улицѣ та безъ шляпы съ взъѣрошеннымъ парикомъ и безъ пряжекъ во всю прыть свою по манежному скакать изволилъ. — Есть чево было посмотрѣть, и было на что полюбоватся. — Дайте ка еще сроку Урванцу придти сюда, тутъ то увидите вы мой смѣхъ съ нимъ объ этомъ происшествіи.

Маремьяна. Ахти! Смотритка Лукерья какъ долго нейдутъ они сюда. Скажи мнѣ, пристало ли эдакъ дѣлать любовнику?

****

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VIᵉ.

Маремьяна, Лукерья, Харитонъ и Г: Передѣловъ.

Харитонъ. Пришолъ, Барышня, разнощикъ со всякою всячиною, такъ прикажите ли ему войти сюда?

Маремьяна. Мнѣ никакой нѣтъ до нево надобности.

Харитонъ. Да онъ, Сударыня, прежде и со двора идти не хочетъ, покудова не будетъ впущонъ къ вамъ.

Маремьяна. (Нѣсколько помѣдля.) Вить я тебѣ, дуракъ, сказала уже, что мнѣ у нево ничево не надобно; чево онъ еще хочетъ?

(Харитонъ уходитъ, а Г: Передѣловъ, одѣтой въ разнощичье платье съ висящимъ на спинѣ ящикомъ выходя говоритъ.) Не соизволите ли Милость ваша

 по-

смотрѣть прежде кой чево; авосьли бо спа и найдется что нибудь по вкусу вашему.

Лукерья. Вотъ еще чортъ навязался какой! — Пошолъ вонъ, говорятъ тебѣ; не до тебя теперь.

Г: Передѣловъ. Куда спа дѣвица красная, какъ ты сердита не къ стамѣ!

Лукерья. (Подошедъ къ нему ближе, наконецъ узнаетъ его.) Тьфу къ чорту! Чѣмъ чортъ не шутитъ. Совсемъ почти не льзя и узнать теперь васъ, Господинъ Капитанъ, въ этомъ нарядѣ?

Маремьяна. Что слышу я! —

Лукерья. Не изволитежъ терять времени, говорите что надобно поскорѣе; а я между тѣмъ, стоя у дверей примѣчать буду, чтобъ кто не засталъ васъ здѣсь. (Становится сама у двери.)

Маре-

Маремьяна. Возможно ли! — Это любезной мой Андрей Але: —

Г: Передѣловъ. (Перебиваетъ речь ея, подходи къ ней и цѣлуя ея руку.) Такъ, я самой тотъ, любезная моя Маремьяна Анкудимовна, котора ты прежде столь чрезвычайно любила, и которой, будучи зараженъ сильно твоими прелестями, нарочно съ тѣмъ и приѣхалъ сюда, чтобъ имѣть удовольствїе, насытивъ глаза свои зрѣнїемъ на тебя, облобызать потомъ прекрасныя сїи руки. (Цѣлуя оныя.) Скажи мнѣ теперь, жизнь моя, скажи, естьли любишъ ты меня еще сколько нибудь, могу ли я надѣятся, что мое отсудствїе нимало не уменьшило пламени ко мнѣ въ нѣжномъ твоемъ сердце, и могу ли я еще ласкать себя надеждою, что имя плѣненнаго тобою, приходило хотя когда ниесть на память тебѣ?

Маремьяна. Какъ можешъ ты еще сумнѣваться въ томъ, возлюбленной мой

 пред-

предмѣтъ, будучи самъ очевиднымъ свидѣтелемъ тысячи клятвъ, учиненныхъ мною въ вѣрности къ тебѣ?

Г: Передѣловъ. Итакъ, долженъ я по этому считать себя нынѣ не мѣнѣе, какъ за наисчастливѣйшего изъ всѣхъ смертныхъ! — Но не дивись впротчемъ, дражайшая моя, состоянію, въ какомъ ты меня видишъ теперь предъ собою. Всему оному былъ единственною причиною вѣстовой мой, которой не преминулъ меня увѣдомить о всемъ, случившемся во время разлуки нашей. Не позабылъ онъ также сказать мнѣ и о томъ, что ты имѣешъ крайнюю нужду въ скорой помощи; чего ради, для достиженія сего прелестнаго для меня мѣста, принужденъ я былъ на все согласится, чего отъ меня ни требовалъ только вѣрной участникъ сей. Итакъ, я прошу теперь васъ, любезная моя Маремьяна Анкудимовна, не причесть какому другому случаю сей странной приходъ мой сюда. Одною тобою можетъ все мое счастіе достигнуть высочайшаго степени, и ты же одна въ состояніи сдѣлать цвѣтъ онаго навсегда увядшимъ: одно слово, выпущенное изъ прекрасныхъ устъ твоихъ сильно все то учинить въ одну минуту.

Маремьяна. Грозящее мнѣ несчастіемъ ужасное состояніе мое, въ которое я по принужденію ввергнуть себя принуждена была, и ваши отличныя предъ всѣми протчими, равными вашему состоянію заслуги, любезной мой Андрей Александрычь, будутъ мнѣ служить извиненіемъ въ учиненномъ мною преступленіи. — Дѣлайте все, какъ вамъ за благо разсудится; но прошу только о томъ, чтобъ сколько можно старатся не вмѣшивать въ производимое вами дѣло матушки моей.

Г: Передѣловъ. Ахъ! нѣтъ, нѣтъ. Не безпокойтесь о томъ нимало; оставьте

тавьте совсемъ и думать объ этомъ. Вы увидите послѣ, что я —

Лукерья. (Стоя у дверей, кричитъ.) Тише, тише, Господинъ Совѣтникъ изволитъ идти. (Просебя.) Вотъ еще пропасть какая! Какой чортъ принесъ ево сюда такъ скоро?

ЯВЛЕНІЕ VII[e].

Г: Передѣловъ, Г: Неудачинъ, Маремьяна и Лукерья.

Г: Неудачинъ. (Вступая на театръ, говоритъ про себя.) Не легкое побрало бы совсемъ этихъ негодныхъ обманщиковъ. Не успѣлъ лишь только вступить, анъ ужъ и вонъ идти хочется. Тьфу дьявольщина какая! Вездѣ сори деньгами.

Маремьяна. Естьли у тебя игольники Андрей? Покажиткась мнѣ, каковы они?

Г:

Г: Передѣловъ: (Подаетъ изъ нихъ нѣсколько.) Вотъ самыя лучшія, Госпожа честная; право ста мнѣ и самому они коштовали не мало въ лавку.

Г: Неудачинъ. Не покупай, не покупай, душенька, ничево у этова обманщика, онъ лишь выманиваетъ только у людей деньги; а я думаю право, что нѣтъ тутъ ни одной собственной ево вещи.

Лукерья. Пожалуйте не забодтесь, Сударь, не забодтесь о томъ: этова лавошника я довольно знаю, и увѣрена въ томъ, что товары у нево собственныя, а не чужія.

Г: Передѣловъ. Э! Бога вы не боитесь, Ваше Сіятельство.

Г: Неудачинъ. (Просебя.) Ваше Сіятельство! — Такъ я таки поэтому довольно кажусь знатнымъ?

Г: Передѣловъ. Не изволитъ ли ста Милость ваша купить инъ кой чево? — А

особливо

особливо изъ сихъ то богатыхъ гребешковъ не покажутся ли которые вамъ?

Г: Неудачинъ. Много, много, братъ, и безъ нихъ у меня эдакой дряни.

Маремьяна. (Разсматривая весь ящикъ, указываетъ на картинку.) Покажи пажаласта эту картиночку, что это такое значитъ?

Г: Передѣловъ. Которую, эту? — А! Эта картинка, Госпожа честная, представляетъ человѣка, претерпѣвшево сильную бурю.

Лукерья. А вонъ то что? (Указывая на другую.) — Что значатъ всѣ эти позитурки въ черныхъ платьяхъ съ повѣсившими головами; конечно они изображены съ похоронъ идущими?

Г: Передѣловъ. Чуть, чуть было не попала ты, красная дѣвица, на ладъ. — Это ста свалка господъ приказныхъ, которыя идутъ изъ своево при-

присудствїя, позадумавшись о томъ, что мало удалось имъ тотъ день пощечится около челобитчиковъ. — (Къ Г: Неудачину.) Однакожъ, баринъ, не извольте ста замать табакиркѝ то этой.

Г: Неудачинъ. А для чево?

Г: Передѣловъ. Для тово ста, что она уже продана одному молодцу, которой думаетъ нарисовать въ ней портретъ своей полюбовницы.

Маремьяна. (Беретъ другую картинку въ руки, и морщась сама, спрашиваетъ.) А это что за гадкая фигура нарисована?

Г: Передѣловъ. Ха! Ха! Ха! Это изображонъ Господинъ Подбираловъ, опекунъ одной молодинькой достаточной дѣушки, которой въ недавномъ времени показался на глаза нѣкоторой молодчикъ, и за которова она замужъ выдти

ти вздумала; а доброхоту то ея, старому хрычу, тово не хочется; потому не что около чево ему будетъ руки грѣть.

Г: Неудачинъ. (Беретъ за руку Передѣлова.) Скажи мнѣ пожалуй, другъ мой, что значатъ эти три птички?

Г: Передѣловъ. (Беретъ за руку Маремьяну, улыбаясь самъ.) Ну, такъ инъ и вашей Милости подобаетъ ста посмотрѣть сей любопытной вещицы. — Птичка, которую вы изволите вонъ тамъ то въ серединѣ видѣть, есть воробошекъ, влюбившейся смертельно въ почтенія достойную ласточку, по правую руку у меня находящуюся. Любовникъ сей, чтобъ не навлечь на себя подозрѣнія въ соперникѣ своемъ, сорокѣ сей, изволилъ нарядится въ чужія перушки, давая между тѣмъ нѣкими перемигами знать полюбовницѣ своей, что онъ ее вырвать у злодѣя своево потщится всячески, лишъ бы только ее было на то согласіе.

Г:

Г: Неудачинъ. Ха! ха! ха! въ самомъ дѣлѣ это смѣшно. — Воръ же поэтому этотъ воробей. Кто бы подумалъ, чтобъ такое малинькое животное имѣло столько разсудка? Ну, я тебѣ скажу! А ласточка то и вострит на то глаза свои?

Г: Передѣловъ. Куда какъ вы любопытны, Сударь, чрезъ чуръ! — Не ужели я влезъ въ нихъ. Полно и тово, что я расказалъ вамъ содержаніе сей картиночки; а то дай яичко, да еще и облупленое.

Маремьяна. Да и безъ тово вить, Судырь, довольно видно отвращеніе любовницы къ сорокѣ, заставляющее безъ сумнѣнія надѣится воробья въ намѣреніяхъ ево хорошева успѣха.

Г: Неудачинъ. Ха! ха! ха! Бѣдныинькая, бѣднинькая сорока моя; такъ то обманываютъ тебя, да еще притомъ

томъ и въ глазахъ; а ты тово не видишъ.

Лукерья. Слушей ка, нѣтъ ли у тебя еще картинки, Андреюшка, гдѣ бы нарисована была толпа кучеровъ, стегающихъ бичама зевакъ изъ господъ приказныхъ людей?

Г: Передѣловъ. Нѣтъ ста, нѣтъ ста у меня эдакова вздору.

Лукерья. Чудно, чудно право, что у тебя нѣтъ! Это кажется одно изъ новѣйшихъ приключенiй. Вотъ и самой витязь этова ужаснова побоища. (Указывая на Г: Неудачина.)

ЯВЛЕНIЕ IIIе.

Г: Передѣловъ, Маремьяна, Г: Неудачинъ, Лукерья и Урванецъ.

(Во время сей сцѣны переговариваются между собою Передѣловъ, Маремьяна и Лукерья о способахъ, лишить

всей надежды Г: Неудачина въ женидьбѣ его, покамѣстъ разговариваютъ между собою Г: Неудачинъ и Урванецъ.)

Урванецъ. Гей! Нѣтъ ли ково тутъ?

Г: Неудачинъ. Охъ! нѣтъ ужъ досаднѣе слышать проклятой голосъ кучерской: прозвизжитъ всѣ уши крикомъ своимъ.

Урванецъ. Гдѣ здѣсь можно найти Господина Совѣтника Неудачина?

Лукерья. Вотъ ево Милость, поди сюда.

Урванецъ. (Лезетъ обнимать его.) А! Всепокорной слуга вашъ, Господинъ Совѣтникъ. Все ли ты поздорову поживаешъ, Сударь? Какъже я радъ тому, что тебя теперь лицомъ къ лицу вижу.

Г: Неудачинъ. Потише, потише, другъ мой! Я право не имѣю чести еще

еще и знать тебя; что такъ тероховато больно! Скажи мнѣ сперьва, кто ты таковъ?

Урванецъ. Тьфу, болесть какая! Вавила Фалѣлеичь и не узнаетъ уже болѣе стариннова своево камрата, давнишнева знакомца! Развѣ запамятовали вы, Господинъ Совѣтникъ, супругу то Ево Высокородія, Господина Отбоярилова?

Г: Неудачинъ. А! Такъ это ты то другъ мой, Урванецъ?

Урванецъ. Безъ сумнѣнія я, Ваше Высокоблагородіе. Да полно я, какъ еще шолъ сюда, то уже мерещилось мнѣ, что братъ Вавила не скоро узнаетъ тово, которому онъ столь много обязанъ бывалъ въ стародавныя времена. — Припамятуйте ка Господинъ нынѣшней Совѣтникъ, какъ азъ, вышеимянованный вами, доставилъ тебѣ это то тепленькое гнездышко. — Но полно что калякать много: тебя еще тогда чуть и отъ

полу видѣть можно было. Правда, и теперь ты не далеко больно отъѣхалъ отъ карлы; а въ ту пору развѣ одною только шляпою превышалъ аршинъ печатной, то и не фигура вить забыть то легко.

Г: Неудачинъ. И ты Урванецъ по семѣстъ еще помнишъ это?

Урванецъ. Еще бы не помнить, смѣшно правотка ну! — Ты ужъ ячай совсемъ вытресъ изъ головушки твоей каверзы то, мною бывало надъ тобою строенныя? Вспомнитка ту то ночку, въ которую ты однова бесѣдывать изволилъ съ одною горнишною дѣушкою; а я, проклятой, узнавъ о томъ, и надѣвъ на себя бѣлую барскую епанчу, а на голову большую подушку, прибытіемъ моимъ надѣлалъ то, что ваша трусова милость, подумавъ въ этомъ образѣ прикатившева покойнова твоево родителя, убрались оттуда за добра ума. Яжъ вмѣсто тово, воспользуясь та-

такимъ прекраснымъ случаемъ, не прозевалъ укомплектовать себя на столь прелестною ваканцїю, каковою та была; такъ что инъ и теперь тебѣ за то челомъ кланяюсь Вавила Фалѣлеичь.

Г: Неудачинъ. Ха! Ха! Ха!

Урванецъ. А вечеринку то запамятовали развѣ ту, на которой я вашу милость помнится за носъ то водилъ?

Г: Неудачинъ. (Улыбаясь.) Да, да; помню, помню. То то шалости то, подумаешъ, бывали съ молоду! — Нѣтъ, другъ мой, Урванецъ, ноничe совсемъ я не таковъ уже сталъ, какъ прежде бывало повѣстничалъ все.

Урванецъ. (Въ сторону.) То то, то то человѣченцо то!

Г: Неудачинъ. Что ты говоришъ?

Урванецъ. Я лѣпечу, Сударь, что ты отъ преизбыточнова разума своево чуть не хватаешъ звѣзды съ неба.

Г:

Г: Неудачинъ. Не ошибся ты, дружокъ мой, въ томъ; да полно этому и дивится то нечево: вить я съ самой разлуки нашей, жилъ все въ университетѣ, гдѣ прослушалъ всѣ части юриспруденцїи. — То то наука то Урванецъ! Чево только не захочешъ, все изъ человѣка сдѣлать можетъ.

Урванецъ. Кому ты это толковать изволишъ? Я итакъ не сумнѣваюсь, чтобъ вы, Сударь, упражняясь въ сей важной части философїи, не изволили учинить здѣсь какова ниестъ достопамятнова дѣла.

Г: Неудачинъ. Да и не безъ тово то. — Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пожалованъ я Совѣтникомъ, и опредѣленъ въ здѣшнѣе мѣсто; то возсылаютъ за меня всѣ и большїя и малыя теплыя молитвы къ небу, за то, что я благопристойнѣйшее учинилъ дѣло, приказавъ для зборища людскаго посреди базара повѣсить большой величины колоколъ.

 Урва-

Урванецъ. Не ужли такъ? — Достохвальное и достопамятное учрежденіе, поистиннѣ! — Ловко же думаю я пятнитъ тебя полъ женской; а особливо дѣвушки здѣшнево города, что ты ихъ по утрамъ рано поднимать изволишъ своею пріятною музыкою?

Г: Неудачинъ, Такъ инъ напротивъ тово, голубчикъ мой. То то вить и чудно то! Куда бы я ни пришолъ, такъ вездѣ оказываютъ мнѣ знаки чрезмѣрной горячности. Иная, любя меня, дергаетъ за косу, другая счелкаетъ въ носъ, третья съ радости, видя меня у себя въ гостяхъ, чуть и кафтанъ съ плечь не здергиваетъ: словомъ, гдѣ я, тамъ и все весело; да даже и малыя ребятишки помираютъ со смѣху на меня глядя. — А все то происходитъ только отъ моево забавнова нрава.

Урванецъ. То то подумаешъ, погадаешъ! — Желалъ бы я право побывать на вашемъ мѣстичкѣ; куда бы я, кажется, щастливъ былъ. Да и личико то твое, мнится имѣ, приводитъ каждую въ удивленіе?

Г: Неудачинъ. Это еще что. Посмотрѣлъ бы ты меня, другъ мой, въ праздничной день когда, а особливо, естьли я еще оденусь въ нонишнѣе манерное платьицо, въ которомъ я себя и срисовать приказалъ.

Урванецъ. Срисовать! — Конечно болѣе для тово, чтобъ оставить потомству съ оригинала точную копію?

Г: Неудачинъ. Да еще притомъ и славному живописцу.

Урванецъ. Не господину ли малеру какому?

Г: Неудачинъ. Куда больно малеру, полно тово хотя и живописному мастеру, которой анамнясь уменя въ покоѣ всѣпо панели расписывалъ.

Урва-

Урванецъ. Панели расписывалъ? Ну, Такъ поэтому онъ еще болѣе прїятности придастъ вашему прелестному личику, нежели вы и въ самомъ дѣлѣ оной имѣете.

Г: Неудачинъ. И очень, и очень таки. — Но что! ты уже нынѣ, вижу я, чиновнымъ человѣкомъ?

Урванецъ. Да еще и съ имянемъ чиновнымъ. Такъ то знай нашихъ.

Г: Неудачинъ. И ты о томъ не тужишъ?

Урванецъ. Тужить мнѣ благодаря Бога не очемъ, не такъ какъ тебѣ, Сударь. Полюбовницы я не имѣю; а жены и у меняподавно не бывало. Пить ѣсть есть что; а жить мнѣ и подавно не худо правотка; а потому и всемъ я доволенъ. Самъ себѣ я панъ и самъ себѣ слуга. Чевожъ болѣе для нашева брата?

Г: Неудачинъ. То то, думаю я, бьютъ тебя ловко за твои шалости, до

до которыхъ ты изъ давныхъ лѣтъ пречрезвычайной охотникъ.

Урванецъ. У насъ и за шалости и не за щалости все равно отвохриваютъ.

Г: Неудачинъ. И! Вздоръ какой. Это ты только лишъ въ свое оправданїе говоришъ.

Урванецъ. Вздоръ! Нечево бить зборъ; дѣло подходитъ до тревоги теперь. — Такъ то, Господинъ Неудачинъ. Наше то вить житье не вашему, небось, лежебокому чета. Мы нетакъ, какъ ваша артель приказная, переваливаясь съ боку на бокъ на мякинькой перинкѣ, слово, слово, какъ мышъ на крупѣ, дрыхнетъ часовъ пятнадцать; а растворя глаза, не успѣетъ еще перекрестится, уже и начнетъ лайть на слугъ да на дѣвокъ, что не подаютъ ему такъ долго горячево съ завтричкомъ. Нашъ же братъ, салдатская кость напротивъ тово, встаетъ тогда, когда только по-

потребуютЪ, хотя бы вЪ часЪ ночи взбутетенили, такЪ будь готовЪ; а случается нерѣдко, что и напролетЪ всю ночь ноченскую не удастся гласЪ слѣпить вмѣсти; да и уснуть то ему случится когда, такЪ на голыхЪ матушкахЪ дощечкахЪ изволь поваливатся, укрываясь вмѣто одѣяльца плащишкомЪ; а вЪ головы вмѣсто мякинькой подушички Царскую суму класть изволь. Не залежисся, небось, долго на эдакомЪ мякинькомЪ пуховичкѣ.

Г: НеудачинЪ. (Смѣючись.) Ну, еще что?

УрванецЪ. (ПродолжаетЪ говорить.) Вашева сорта молодчикЪ, поваливаясь еще на постелькѣ, кричитЪ уже во все горло, малой, каково на дворѣ, не холодно ли? чтобЪ глядя по погодѣ и вЪ платьецо то такое окутатся; а буде паче чаянія скажетЪ тотЪ, что не очень тѣпло, Судырь, такЪ облечется слово слово, какЪ какое чучело; на ноги

ноги наденетЪ парЪ пять чулокЪ, нѣсколько рубахЪ, фуфайку, камзолЪ, кафтанЪ, сертукЪ, да еще и лисью шубу сверьхЪ тово. — КакЪ озябнуть, ризсудите милостиво. Мнѣ кажется, чтобЪ я вЪ этомЪ нарядѣ истлѣлЪ какЪ уголекЪ; а не только, чтобЪ что почувствовать могЪ противное вЪ случаѣ.

Г: НеудачинЪ. Продолжай, продолжай молоть, другЪ мой.

УрванецЪ. А какЪ намЪ то, подумаешЪ, такЪ и спросить то не у ково; да полно правду матку сказать, и не для чево; по тому, что и вЪ праздникЪ и вЪ будни, и вЪ холодЪ и вЪ тепло, все одинЪ мундиришка на плечахЪ вертится, да и тотЪ еще береги какЪ глазЪ своихЪ; а естьли, сохрани Боже, углядитЪ командирЪ хоть маленькую на немЪ щелочку, такЪ завалитЪ тебѣ лозоновЪ сотнягу другую мѣсто, да еще и плакать не велитЪ. — Вмѣсто же теплинькихЪ чулочекЪ, хотя

хотя бы ужъ и одна то пара путныхъ нитяныхъ была, такъ бы слава, слава Богу; а то изволь щеголять въ сапожкахъ на босу почти ножку; а за неимѣнїемъ иногда рубащенки и въ одномъ камзолишкѣ да мундирѣ туда же бреди, куды и люди. То то счоголь нашъ братъ, господинъ Совѣтникъ, что годъ то рубаха. Изрядно дѣлать муцїонъ въ такой одеждѣ въ крещенскїе морозы: можно вспотѣть, имѣвши ее на себѣ.

Г: Неудачинъ. Чевожъ еще тебѣ болѣе?

Урванецъ. (Продолжаетъ говорить.) Ваша тунеядская артель, не успѣя еще по фрыштикать, да уже и опять за жранье принимается изволитъ, треская ровно почти до четырехъ и до пяти часовъ послѣ полудня; и какоежъ притомъ кушанье! (Въ сторону.) Исполагоря киснуть за столомъ то такъ долго?

Г:

Г: Неудачинъ. Безъ ѣды вить обойтись не можно. — За то мы Господа, а вы Хамово отродье.

Урванецъ. Господа, не легкое сокровище. — Слово слово таже тварь, что и всѣ. Почемужъ инъ нашъ столъ долженъ быть хуже вашева то. У нашева брата естьли есть хорошая краюха арженухи съ пригоршнемъ соли, добрымъ кускомъ солонины, да кувшиномъ кислыхъ щей, такъ это для насъ перьвой день мясоѣда послѣ великаго поста; а какъ къ тому еще прибавить ковшъ сивухи матушки, то уже и совершенно для нево начальной изъ двунадесятыхъ праздниковъ въ году будетъ. Изволь ка полакомится этими вкусными заѣдочками. Не засидисся, небось, долго за великолѣпною этою трапезою; да полно и не для чево. Гостей звать мы не любимъ по вашему; для того, что съ нуждою и самимъ становится прокормить сирую головушку; а

по

по той же самой причинѣ и къ нимъ бродить не больно что то охотники.

Г: Неудачинъ. А потомъ что?

Урванецъ. Ваша милость по окончанiи стола принимаетесь опять то за кофей, то за карты, то за рюмки и за протчiя веселости, какiя только вамъ на умъ взбредутъ, и продолжаете потеху эту вплоть до ужина, послѣ котораго снова здорова и опять дрыхнуть; а день за днемъ, годъ за годомъ и вся жизнь ваша проходитъ такимъ порядкомъ.

Г: Неудачинъ. Вить и вамъ остается время на гулянье.

Урванецъ. Какъ пить не оставатся времю; а особливо, когда не доѣвши, принуждены бываемъ иногда съ цѣлымъ кускомъ во рту бѣжать либо въ разводъ, или на ученье, гдѣ мучутъ, мучутъ, дуютъ дуютъ въ двѣ палки потудова, покудова почти пѣтухи не пропоютъ;

поютъ; а тогда то ужъ и изволь идти гулять, когда еще выдрыхнутся на умъ идетъ; да и то еще съ тѣмъ, чтобъ не безъ спросу: пришедъ же къ Господину то его благородiю попросится на одинъ только часикъ, и то иногда за самой прекровной нуждицой, такъ онъ съ нашимъ братомъ и говорить не думаетъ, смотришъ. — Такъ то знай Господинъ Совѣтникъ. — Прежде нежели отпуститъ онъ тебя, изволька простоять у ево здоровья часовъ пять въ передней, и тогда то развѣ вышлетъ къ тебѣ маршалку своево сказать, чтобъ шолъ: да смотри скажи ему, приказывая, чтобъ не попался мнѣ въ чемъ нибудь, и поскорѣебъ назадъ приходилъ. А какъ Сударь, подумайте, крехтя, крехтя подъ палками такъ долго, да еще и не хлебнуть бы чево? Чаркужъ за чаркою и сдѣлаесся подъ конецъ хмельненекъ; а человѣкъ пьяной, разсудите по себѣ милостиво, помнитъ ли что нибудь, что дѣлаетъ. Такимъ образомъ,

смотришъ и задаютъ хворсы нашей салдатской кости. На караулѣ же будучи, поставятъ тебя часа на четыре сряду, не разбирая ни стужи ни жара, нѣтъ де скать нужды, стой не бось, за то солдатъ; а будто солдатъ то и не такое же творенїе, какъ и его благородїе. Все вить кажется одно, какъ Господину, такъ и слугѣ холодно вить, не разныя у нихъ тѣла то: какъ вы кушеть хотите, такъ и я вить, глядя на вашу милость, сытъ не буду зеваньемъ. Такъ то, Милостивой и Государь. — Чтожъ бы и баеть объ этомъ; а то нѣтъ, что велитъ командиръ, такъ хоть лопни да сдѣлай; а не то подъ палками изжарютъ всю спинку нашу грѣшную. Тота жизнь!

Г: Неудачинъ. Служить, такъ не тужить, другъ мой.

Урванецъ. (Продолжаетъ говорить.) Но пускай бы ужъ другой кто, а то свой братъ, подумаешъ, ни чемъ не лучше

лучше тебя, кажется, и тотъ изволитъ владѣть всею спиною, слово слово, какъ будто бы крѣпостною каксю вещїю. — Полно что дѣлать, быть такъ, пришло терпѣть горе служивое. — Нѣтъ, небось эдакой щеголекъ, какъ ты, Сударь, отвѣдалъ бы поїсжится подъ закусочками то деревянными; а вослибо скоро дома не сказался. Такъ то Вавила Фалѣлеичь, что молчишъ? Какова теперь кажется тебѣ участь наша?

Г: Неудачинъ. Да, правда! — Я думаю, что естьли бы попался я какими судьбами въ это состоянїе, то бы и дня не пережилъ на свѣтѣ; а особливо воображая себѣ то, какъ пошлютъ на баталїю, такъ должно будетъ видѣть смерть безперестанно на носу у себя.

Урванецъ. А какъ нашему брату, такъ тото и на руку.

Г:

Г: Неудачинъ. И ты этому радуесся! — Да надѣесся ли ты полно на себя отрубить хоть палчикъ непрїятелю своему?

Урванецъ. Пусть я въ числѣ господъ головорѣзовъ и не имѣлъ чести бывать когда нибудь; а по той самой причинѣ и не столь свѣдущъ можетъ быть въ искуствѣ семъ, какъ ихъ милость; однакожъ въ случаѣ нужды, надѣюсь, благодаря Бога, на себя, что иногда вмѣсто уха и шеѣ достанется у меня на орѣхи.

Г: Неудачинъ. Претерпѣвая такую нужду въ военной службѣ, какъ ты самъ расказывалъ теперь, за чемъ же ты оставилъ прежнее свое мѣсто?

Урванецъ. О! Сохрани Господи всякова, имѣть дѣло съ господами судьями; да особливо еще съ такимъ, каковъ мой то уродъ былъ. Я живучи у нево нѣсколько мѣсяцовъ, сталъ было навыкать по примѣру боярскому рукомеслу присвоивать къ себѣ въ карманъ даровщинку; но какъ я, по какимъ то древнимъ, можетъ быть, уставамъ, не имѣлъ права вовсе, оное безъ вытерпленїя повседневно палочнова награжденїя производить въ дѣйство, то принужденъ былъ наконецъ показать тылъ ево здоровью и всему ево высокоимянитому помѣстью. — А! да я было и позабылъ спросить у васъ, Сударь, Вавила Фалѣлеичь. Какая причина, что ты мнѣ посѣхъ мѣстъ не говоришъ ничево о своей женидьбѣ на дщери Слабоумовой, для которой милости ты, какъ слышелъ я, и балъ нонишнева вечера положилъ сдѣлать?

Г: Неудачинъ. Какая сорока принесла тебѣ на хвостѣ эту нелѣпую?

Урванецъ. Не лѣпую, говорю я, когда весь городъ уже бармочитъ о томъ. Яжъ, напротивъ того вѣдаю еще и то, что около полуночи исхода Декабря будетъ нѣкто по томъ скачучи на одной ножкѣ въ ноготокъ посвистывать. (Нараспѣвъ.)

Такъ

Такъ то, такъ то, Господинъ Совѣтникъ, Вавила Фалѣлеичь, что ты мнѣ скажешь на это теперь?

Г: Неудачинъ. Что ты говоришь? Ахъ! естьли бы я только зналъ точно про это, то куда бы я тому радъ былъ правотка. Эдакая забавная музыка, принудила бы меня прожить здѣсь хоть цѣлую недѣлю.

Урванецъ. А я вить, Судырь, недаромъ сюда забрелъ. Пришолъ было побить вамъ челомъ о малинькой нуждицѣ. — Ево благородіе, Господинъ Капитанъ, у которова я честь имѣю отправлять должность тайнова совѣтника, секретаря, шталмейстера, оруженосца, кравчева, купчины, управителя, камердинера, парикмахера, скорохода, и исправнова вѣстовова, проситъ васъ чрезъ меня нижайшева о всемилостивомъ вашемъ дозволеніи возымѣть ему, всепокорнѣйшему вашему слугѣ, съ парою постороннихъ мущинъ и съ небольшимъ числомъ

сломъ дамъ участіе, во имѣющей случится нонишнево вечера здѣсь вечеринкѣ.

Лукерья. Пускай пожалуетъ, пускай: чѣмъ болѣе дурачковъ, тѣмъ забавнѣе препроводимъ мы вечеринку нонишную.

Урванецъ. Когда инъ такъ, то ево благородіе, Господинъ Капитанъ, съ стороны своей весьма этимъ доволенъ и предоволенъ будетъ. — Однакожъ, прежде нежели укачу я съ пріятною для нево вѣстью этою, хочу вамъ сказать еще нѣстичко; да съ тѣмъ только, чтобъ это подержать за собою. (Говоритъ тихо, оглядываясь самъ на всѣ стороны.) Баринъ мой влюбленъ въ одну дѣвицу, которая будетъ также на балѣ здѣсь. Намѣреніе ево состоитъ въ томъ, чтобъ полюбовницу свою, которую матушка ея выдаетъ насильно замужъ за нѣкоторова всесвѣтнова олуха,

ха, уведши изъ сево собранія тайно, сдѣлатся наконецъ ея мужемъ.

Г: Неудачинъ. Хорошо, хорошо это, такъ то и надобно проучивать такихъ дураковъ.

Урванецъ. Во все время моево съ вами балагуринья, присудствуетъ онъ вмѣсти съ прелѣстною своею, уговариваясь съ нею о средствахъ къ принятію ихъ благополучно воспослѣдовать имѣющей утечки; а вертлявова десятка личарда ево между тѣмъ, изволитъ упражнятся въ точеніи лясъ необтесанному болвану, напрасно только уповающему имѣть ее своею женою, дабы тѣмъ сколько нибудь отвратить ево отъ примѣчанія за поступками ево будущей обманщицы.

Г: Неудачинъ. Тото посмѣемся мы досыта уже надъ этимъ несмысленнымъ простофилею.

Маремьяна. (Г: Передѣлову.) Прости инъ голубчикъ; я весьма довольна тѣмъ, что ты согласился мнѣ уступить наконецъ вещичу эту; хотя правда и теперь не дешево она стала мнѣ, однакожъ я надѣюсь, что не буду послѣ тужить о деньгахъ.

Г: Передѣловъ. Ей ей ста не дорого, Госпожа честная, беру я за нее; вы увидите изъ ее доброты, что я человѣкъ честной, и боюсь грѣха. Вить я, Барышня, не изъ числа такихъ крохаборовъ, которые поминутно стараются то тамъ то сямъ въ глазахъ облупливать съ головы до ногъ добрыхъ людей. Слово мое держу я до послѣднево издыханія. Такъ прощайтежъ инъ, ваше здоровье, прощайте, и впредъ прошу милости не оставлять покупкою у меня чево ниесть. (Отходитъ.)

Урванецъ. Не эта ли Госпожа будущая, нареченная вамъ въ супруги, Сударь?

Г: Неудачинъ. Такъ, такъ, другъ мой, она то и есть самая.

Урванецъ. Ну, такъ инъ дозвольтежъ мнѣ поздравить ее съ вами теперь?

Г: Неудачинъ. Потише, потише, Урванецъ, дай срокъ. (Подходитъ потомъ ближе къ Маремьянѣ.) Вотъ, душинька моя, рекомендую я тебѣ старова моево прїятеля, которой союзу нашему желаетъ усердно всякова благополучїя.

Урванецъ. Милостивая Государыня, понеже имѣю я честь коротко знать будущева Господина супруга вашево, то могу увѣрить васъ въ томъ, что вы весьма выборомъ этимъ ошиблись. Охъ бишъ, пропасть какая! Проговариваюсь все, не ошиблись, Сударыня. Духа въ немъ очень много, головушку имѣетъ многимъ наполненную, и состоянїя весьма, весьма, Сударыня, примѣрнова.

Г:

Г: Неудачинъ. О! Онъ меня довольно коротко знаетъ.

Маремьяна. Я очень почитаю себя обязанною милостїю вашею, Сударь.

Г: Неудачинъ. Добро, добро, теперь уже время тебѣ и идти, радость моя, приуготовлятся къ танцамъ; поди, уже вечеръ на дворѣ; а я прикажу между тѣмъ людямъ, чтобъ они по прибытїи сюда матушки готовы были ставить на столъ кушанье.

Маремьяна. Очень хорошо, Сударь, я готова исполнить требованїе ваше.

Г: Неудачинъ. (Идучи также съ театра.) А я пойду надену мундиръ.

ЯВЛЕНIЕ IXᵉ.

Урванецъ и Лукерья.

Урванецъ. Видывала ли ты когда эдакую шаль. Я во вѣки бездѣльникомъ хочу

хочу быть, естьли только онъ былъ за два года такимъ пустомѣлею. Да полно тѣмъ то и лучше будетъ нашему брату позабавится на счотъ такова простофилюшки. Чѣмъ бы ему прикрывать недостатки свои, а онъ еще ихъ болѣе приумножаетъ безпрестаннымъ своимъ болтаньемъ.

Лукерья. Слышела уже я, слышела, какъ ты изволилъ вычитывать ему всѣ ево дурачества. Я бы при этомъ случаѣ надсѣлась со смѣху, естьлибъ не опасалась только помѣшать тебѣ въ начатыхъ тобою каверзахъ.

Урванецъ. Однакожъ Лукерья, изъ послѣднихъ речей, сказанныхъ при отходѣ Барышнею твоею моему Барину, заключаю я, что уже обѣ партіи условились между собою. Итакъ, по этому надобно думать, что все рѣшено межъ ними.

Лукерья. Да, правда; только ей немало труда будетъ стоить, принять

сторону любовника своево. — Но полно что о томъ говорить много! Здѣшнія дѣвицы ради во все, буде только на то пошло, смѣло пускатся.

Урванецъ. Инъ дай имъ Богъ счастливова во всемъ окончанія. — Ну, а намъ то какъ послѣ быть, Лукерьюшка? Да полно и я надѣюсь на тебя немене, что и ты также безъ всякихъ церемоніяловъ ей послѣдуешъ?

Лукерья. (вздыхаючи.) Правда, правда твоя, голубчикъ мой. Я перьвая была, да и всегда буду совѣтницею Барышнѣ моей на столь смѣлое предпріятіе; но разсматривая имѣющія произойти отъ порученія себя въ руки военныхъ людей опаснѣйшія слѣдствіи, нахожусь между страхомъ и надеждою.

Урванецъ. Пожалуй, пожалуй уже не тужи о томъ. О своей ты довѣренности ко мнѣ не будешъ сожалѣть нимало.

Луке-

Лукерья. Топо вишь я надѣюсь на тебя батька: недаромъ вишь и пословица то у насъ носится: какъ плутъ за вину, такъ и мужъ за жену.

Урванецъ. Что до насъ грѣшныхъ касается, то тебѣ нечево опасатся отъ меня. Я кленусь всѣми и писанными и рисованными иконами, что я не охотникъ при своемъ теплѣ чужимъ пользоватся. Въ тебѣ, свѣтикъ мой, почитаю я уголочикъ свой, которымъ, такъ сказать, правду матку, уже и владѣю, теперь только остается поукрѣпить нѣсколько оной; а по времяни и обороняшь ево станемъ потихоньку да помаленьку; дайка сроку. — Только знаешъ что? Напередъ тебѣ, голубушка моя, прорицаю, чтобъ чуръ не шмыгать изъ своей клѣти въ чужую, да не пересуживать ни о чемъ съ посторонними, какъ ваши сестры обыкновенно привыкли къ тому: это такъ мнѣ, какъ ножъ въ горло. Чтожъ касается напримѣръ до

гозбищей, то пожалуй изволь у меня идти, куда тебѣ только на умъ ни придетъ; а это уже мое будетъ дѣло за хвостомъ примѣчать; ты пожалуй о томъ не изволь тужить.

Лукерья. Хорошо, хорошо, радость моя, твой уголокъ не будетъ подпускать къ себѣ на весьма дальное разстоянїе непрїятелей ево.

Урванецъ. Да этово вишь не довольно. Неменѣе сево надобно старатся и о томъ, чтобъ убѣгать лицезрѣнїя господъ глазолуповыхъ, кои подъ видомъ рекомендацїи себя милости господина градодержателя крѣпости, стремятся по впущенїи ихъ въ оную, либо возбудить народъ къ несогласїю, или, выпуча глаза, примѣчаютъ слабѣйшїя ея мѣста, чтобъ наконецъ по выходѣ своемъ оттуда, можно было предводителю войскъ тѣмъ способнѣе учинить нападенїе на крѣпосцу сїю.

Луке-

Лукерья. А ты, батька, старайся всячески отвращать отъ себя это нещастїе.

Урванецъ. О! сохрани Боже, есть ли я узнаю только, что въ помѣстье мое забредетъ какимъ нибудь случаемъ одинъ изъ сихъ тресогузовъ: то тогда прямо все пойдетъ у насъ на выворотъ. Можетъ быть вмѣсто ногъ и на рукахъ онъ поскачетъ; да и хозяйству то тутъ же достанется на орѣхи. — Такъ то, голубка моя, смѣкайко о томъ къ чему дѣло то клонится.

Лукерья. (Слышно между тѣмъ шарканье) Ахти, ахти! Для Бога убирайся поскорѣе отсюда. Госпожа Слабоумова, слышу я, идетъ сюда.

Урванецъ. Эдакая диковина. Ну такъ чтожъ, что Госпожа Слабоумова изволитъ идти сюда; пусь таки себѣ идетъ: вить она меня не скушаетъ; да ее же милость меня и мало знать изво-

изволитъ притомъ. — Во все время прежнево нашево пребыванїя въ этомъ городѣ жаловали мы бывало къ вамъ вить только по ночамъ; а болѣе ей меня негдѣ было и видѣть. Чевожъ трусить, чево робѣть? Нашъ братъ хоть изъ пѣтли такъ вывернутся умѣетъ, небось.

ЯВЛЕНIЕ Xе.

Гж: Слабоумова, Урванецъ и Лукерья.

Гж: Слабоумова. (Садясь сама на стулъ.) Охъ! Какъ я, матка, устала; но быть такъ, покрайней мѣрѣ кончила я все нужное. Да гдѣ дочка, Лукерья?

Лукерья. Она, Сударыня, пошла въ свою уборную одѣватся.

Гж: Слабоумова. А Господинъ Совѣтникъ?

Лукерья. И онъ въ своемъ покоѣ изволитъ наряжатся къ балу.

Гж: Слабоумова. Ну, а это что за гость сюда пожаловалъ?

Лукерья. Это, Сударыня, одинъ изъ старинныхъ пріятелей Вавилы Фалѣлеича, Господина Совѣтника.

Урванецъ. Такъ точно, Милостивая Государыня. Я имѣю щастіе довольно знать Господина Совѣтника, будущево вашево зятюшку, и имѣлъ уже честь поздравлять и Государыню дочку вашу съ женижкомъ ея; а окончавъ мои комплименты съ ихъ Милостями, не хотѣлъ уйти отсюдова, не засвидѣтельствовавъ и вамъ, Милостивой моей Государынѣ, всѣнижайшево моево почтенія.

Гж: Слабоумова. Спасиба, другъ мой, спасиба тебѣ за то. Лукерья, поднеси ему чарочку винца.

Урва-

Урванецъ. Нижайше благодарю, Сударыня, я не пью ево отъ самово моево рожденія.

Гж: Слабоумова. Чѣмъ же инъ тебя, другъ мой, потчивать? Такъ хоть сять, да посиди съ нами.

Урванецъ. И тово нельзя за недосугомъ. Прощайте, Барыня, Сударыня. (Отходитъ.)

Гж: Слабоумова. Можешъ ли ты вообразить себѣ, Лукерья, какъ я нынѣ довольна покорностію, оказанною мнѣ дочерью въ моемъ требованіи.

Лукерья. Естьли по справедливости сказать, Сударыня, то она почитаетъ васъ весьма много, когда соглашается, видно, столь скоро на требованіе сіе, имѣя преужасное отвращеніе къ Господину Совѣтнику. Правда, не въ хвастовство молвить, и я нѣсколько споспѣшествовала собою этому согласію; но полно что о томъ и говорить, я это ни за что считаю.

Гж:

Гж: Слабоумова. Продолжай, продолжай это, мошка, ты не будешь тужить о том после.

Лукерья. Да, хорошо, Сударыня, помогать тогда, когда по услугам и награжденіи следуют. Подарите ли вы меня за труды мои чем нибудь?

Гж: Слабоумова. Что мне до тово нужды! Вавила Фалелеичь заплотит уж тебе за все.

Лукерья. Заплотит ужо, дожидайся этой платы на марковкино заговинье. Разве не изволите вы знать тово, каков он на подарки то торовать?

ЯВЛЕНІЕ XIе.

Гж: Слабоумова, Лукерья и Г: Неудачин.

(В мундире.)

Г: Неудачин. Уж вы здесь, Сударыня, Матушка! А я как будто знал, что велел на кухне готовить ужин поскорее; но между тем скажите мне, Матушка, Сударыня, каков я вам кажусь в этом великолепном я уборе: не постарался ли одетнасято щегольски?

Лукерья. (В сторону.) Ах, какая шаль!

Гж: Слабоумова. Весьма хорошо, Государь мой; да как еще все пристало к вам, ужесть правотка!

Г: Неудачин. Не правду ли говорит она, Лукерьюшка, скажи право сущую правду, видывала ли ты когда нибудь меня в эдаком убранстве, и за ково бы ты почла меня при входе моем сюда?

Лукерья. Не только слепой, Сударь, да и зрячей, думаю я, не мог бы без труда различить вас от преужаснова витязя. Вид, осанка, похотка, голос, вопросы, ответы и все теловиженіи

женіи означают въ важной особѣ вашей довольно славнова рыцаря Донъкишота. Напротивъ же твово статскова человѣка и духомъ въ васъ не слышно.

Г: Неудачинъ. Вота! Слышете ли, Матушка, слышете ли, что она говоритъ? О! да я и самъ вить не менѣе знаю, что я нарочно какъ будто бы и рожденъ къ военной службѣ. (Въ сторону.) Да и подлинно доказалъ бы я себя въ полѣ противъ всякова непріятеля, естьлибъ только не пугали меня нѣсколько проклятыя эти круглинькія жигалки и другія болѣсти.

ЯВЛЕНІЕ XII^е.

Гж: Слабо:, Лукерья, Г: Неудачинъ, Маремьяна.

(Въ бѣлой доминѣ въ и рукахъ съ маскою.)
Нѣсколько лакѣевъ накрывающихъ столъ.

Гж: Слабоумова. А, давотъ и дочка моя!

Гж:

Г: Неудачинъ. Ха! ха! ха! Какъ смѣшна она, правотка, въ этомъ платье!

Маремьяна. (Лукерьѣ.) Для чево не увѣдомила тыменя, Лукерья, о матушинкомъ прибытіи?

Гж: Слабоумова. Я только что теперь приѣхала домой, Маремьянушка.

Г: Неудачинъ. (Маремьянѣ.) А ты, свѣтикъ мой, что скажешъ о моемъ нарядѣ? Думала ли ты когда, что съ палимажемъ шляпа пристанетъ такъ ко мнѣ?

Маремьяна. Въ васъ, Сударь, право теперь очень скоро всякой влюбится можетъ!

Г: Неудачинъ. Это еще что! По смотриткась еще на меня уже въ танцахъ: тогда то авослибо увидишъ ты, красотушка моя, отъ меня пыли. Ты вить не знаешъ еще всево искуства за мною. Я умѣю плясать, прыгать антраша, голубца въ присятку, а притомъ и рука-

ками

ками строить разные финты фанты, только я это ремѣсло уступаю на теперишней разъ кому нибудь поискуснѣе меня.

Лукерья. (въ сторону.) Тото дарованіи, подумаешъ! Совсемъ отмѣнныя отъ добрыхъ людей. — (Къ Неудачину.) А особливо, Сударь, къ вашему званію и состоянію оно очень пристало, для того, чтобъ натверживаеть тѣмъ болѣе руку къ выхвачиванію изъ другихъ рукъ чево лишнева. Да и тутъ еще вы не изъ перьвыхъ, изволите сказывать!

Г: Неудачинъ. Добро, оставимъ ка лучше наше раздобарованье, да сядимте ка за столъ, чтобъ не застали насъ господа гости голодными. (Садится въ креслы посреди стола.) Вотъ, Сударыня, Матушка, ваше мѣсто; а ты, Маремьяна Анкудимовна, ясное мое солнышко, сядь по лѣвую руку подлѣ меня. — Твое мѣсто право завидное! На одной сторонушкѣ съ моимъ сердечкомъ.

Луке-

Лукерья. (Стоя за стуломъ у Маремьяны. Видители вы, Сударыня, что Господинъ Совѣтникъ учтивостями своими изволитъ уже и въ даль забиратся, не пропуская и самыхъ мѣлочей даже.

Г: Неудачинъ. Подожди, подожди еще, Лукерья, ужъ я постараюсь намолоть учтивостей, дайка сроку. — А, да вотъ и Харитонъ идетъ съ кушаньемъ!

Харитонъ. (Идучи по театру.) Въ мигъ, Судырь, въ мигъ.

Г: Неудачинъ. (По молчавъ нѣсколько.) Что до меня касается, тоя сѣлъ за столъ, слѣдуя только одному обыкновенію; но впротчемъ, я всегда тогда сытъ, когда только тебя, свѣтикъ мой, вижу въ глазамъ моихъ.

Лукерья. Какіяжъ чрезвычайные комплементы!

Харитонъ. Господа, Сударь, музыканты и господа танцовщики изволили пожаловать.

Г: Неудачинъ. (Выскакивзя изъ за стола благимъ матомъ.) Сбирай же, сбирай инъ

инъ со стола проворнѣе, мы отужинаемъ уже послѣ бала, потому что музыканты вить, какъ сабаки жадны. Они, увидя бутылки, нападутъ на нихъ слово слово какъ саранча какая, и нетолько виномъ, да хотя бы и водою онѣ наполнены были, то и тогда постараются осушить ихъ до капельки.

Гж: Слабоумова. Ктожъ таковы эти музыканты?

Г: Неудачинъ. Это, Матушка, Сударыня, равнова моему состоянїю люди, которые просили у меня о позволенїи быть у насъ на балѣ нониче.

(Мерамьяна надѣвая маску, удаляется съ Гж. Слабоумовою и Лукерьею наконецъ театра, и садятся тамъ всѣ на стулья.)

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНIЕ XIII[e].

Гж: Слабоумова, Маремьяна, Г: Неудачинъ, Лукерья, Г: Передѣловъ, Урванецъ, танцовщики и танцовщицы (въ маскарадномъ платьѣ и въ масках ъ.)

Урванецъ. Всенижайшїй слуга вашъ, Господинъ Совѣтникъ, Я имѣю честь вамъ всѣмъ Господамъ присудствующимъ здѣсь засвидѣтельствовать всеусерднѣйшее мое почтенїе.

(Въ продолженїе сего разговора Г: танцовщики и Гж: танцовщицы подъ предводительствомъ Г: Передѣлова вступаютъ танцуя на театръ, и кланяются въ кадансъ всѣмъ присудствующимъ тамъ.)

Г: Неудачинъ. Добро пожаловать, Милостивые Государи. Я смѣю васъ просить теперь повеселить себя и насъ; а тебѣ, (Оборачиваясь къ Урванцу.) спасиба, другъ

другъ мой, Урванецъ, что ты потрудился позвать, и привести сюда дорогихъ гостей этихъ.

Урванецъ. Да и только за труды то?

Г: Неудачинъ. А чевожъ тебѣ болѣе? Вить ты и самъ будешъ пользоваться удовольствїемъ отъ прїятной этой компанїи.

Урванецъ. Изрядное удовольствїе! Да вить я отъ нево сытъ не буду. — (Въ сторону.) Эдакъ то онъ балясы то точитъ, да и думаетъ отъѣхать такъ. (Г: Неудачину.) Нѣтъ, нѣтъ, Государь мой, подобное эдакому веселью могъ бы я найти и въ другомъ мѣстѣ; а особливо тамъ, гдѣ наши то братья обыкновенное свое засѣданїе имѣютъ; да можетъ быть и повеселѣе бы еще тамъ этова было, вить это еще не угадано.

Г: Неудачинъ. Такъ чевожъ тебѣ дать мнѣ? Чарку вина што ли? — Охъ! — Я бы ужъ и далъ тебѣ ево, пожалуй, да свита то за тобою многочисленна чрезчуръ. Вить дай одному, такъ и всѣ забармочутъ; а у меня, правотка, и для себя только вина то чуть чуть достаетъ только; а нетокмо, чтобъ другихъ господчиковъ имъ подчивать.

(Въ продолженїе сего разговора разговариваютъ протчїе.)

Г: Неудачинъ. (Подходя въ Маремьянѣ) Пойдемъ ка, душинька, протанцуемъ хоть минаветъ съ тобою.

Маремьяна. Извините меня, Сударь, въ томъ? Матушка моя должна первая открыть балъ.

Гж: Слабоумова. Ну, инъ быть такъ, я готова на сїе требованїе. Лукерья останься подлѣ дочери; да не выпускай же ее изъ глазъ своихъ ни на пяди.

Лукерья. Слышу, Сударыня, слышу.

Г: Неудачинъ. Алонъ, Алонъ, играйте минаветъ; да пожалоста веселинькой, чтобъ намъ танцуя не задремать.

(Во время танцованія Г: Неудачина съ Гж: Слабоумовою уводитъ Г: Передѣловъ съ театра Маремьяну, а другая маска въ бѣлой же доминѣ занимаетъ ее мѣсто, а притомъ и протчія оставляютъ также тихимъ образомъ театръ.)

ЯВЛЕНІЕ XIVe.

Гж: Слабоумова, Г: Неудачинъ и Лукерья.

(По окончаніи минуетта.)

Гж: Слабоумова. Кудажъ ушли господа кавалеры съ дамами? Я правотка ихъ ухода и не примѣтила.

Г: Неудачинъ. (Смѣется.) Ха! ха! ха!

Гж: Слабоумова. Чему вы такъ смѣетесь?

Г:

Г: Неудачинъ. (Удвоиваетъ смѣхъ.) Ха! ха! ха!

Харитонъ. (Входя.) Одинъ, Судырь, господинъ въ маскѣ, идучи теперь отсюда, велѣлъ мнѣ сказать вамъ, что пташка уже поимана, и чтобъ вы только болѣе хохотать продолжали.

Г: Неудачинъ. Ха! ха! ха! Эдакія штуки! Ха! ха! ха!

Гж: Слабоумова. Что, что, что такое! Можно ли сказать мнѣ?

Г: Неудачинъ. Ха! ха! ха! Тото будете смѣятся, Матушка, естьли узнаете вы причину моево смѣха. — Одинъ изъ этихъ господъ танцовщиковъ, присылалъ ко мнѣ незадолго предъ симъ требовать позволенія увести съ бала свою полюбовницу, а теперь прислалъ онъ мнѣ сказать, что ему уже и удалось то исполнить.

Гж: Слабоумова. Ахъ, какое чудо! Что вы надѣлали теперь, Господинъ Совѣт-

вѣтникъ! За чемъ вы, не увѣдомивъ меня о томъ прежде, ввезались въ такое дѣло?

Гж: Неудачинъ. Да мнѣ то запрещено было сказывать.

Гж: Слабоумова. Ахти! Я опасаюсь, чтобъ изъ этова не вышли какія худыя слѣдствіи.

Г: Неудачинъ. Не ужто вы въ самомъ дѣлѣ то думаете! Не бойтесь, Матушка, Сударыня. Тотъ, которой на сей персонѣ женится хочетъ, человѣкъ достойной и богатой притомъ; а мать ее простая старушка, баба глупая.

ЯВЛЕНІЕ XVᵉ.

Гж: Слабоумова, Г: Неудачинъ, Урванецъ и Лукерья.

Урванецъ. (Наряженной старухою вбѣгаетъ на театръ.) Ай! ай! ай! Помогите! Караулъ! Помогите, грабятъ! Пустите душиньку на покаяніе! Охъ! Охъ! —

Г: Неудачинъ. Ково тебѣ, баба, надобно здѣсь?

Гж: Слабоумова. (Про себя.) Я дрожать уже начинаю со страха!

Урванецъ. Для ради души своей помоги мнѣ, родимая, выручи, освободи мою бѣдную дочь изъ рукъ вражескихъ, изъ рукъ беззаконничьихъ! Помилуй ты меня, голубушка моя! — Охъ! — Охъ! — Сохрани отъ напасти!

Гж: Слабоумова. (Въ немаломъ замѣшательствѣ.) Я право совсемъ ничево не знаю о томъ, матка моя!

Урванецъ. (Продолжаетъ говорить внѣ себя.) Постой, постой ты плутъ, каналья Неудачинъ, дай срокъ; вотъ уже тебя за это, небось, отшлепаютъ! — Охъ! — Смотри пожалуй!

Г: Неудачинъ. За чемъ впустили сюда такую безумную старую хрычовку?

Урванецъ. Что плутъ, машенникъ! Ты еще смѣешъ называть мене сумашедшею, будучи самъ всему причиною? (Къ зрителямъ.) Пристало ли люди честныя, скажите по христїянской совѣсти, дворянину, да еще небезчево и Совѣтнику соглашатся на такое безаконїе? О, чудное дѣло! — Эпова бы и самой бездѣльникъ не сдѣлалъ, думаю. Нѣтъ, нѣтъ, все ужъ упало правосудїе; нѣтъ ни справедливости ни въ чемъ, нѣтъ и прибѣжища нигдѣ: вездѣ безчинничаютъ, повсюду чинятъ нахальства, росбои и смертоубивства. — Охъ! пречудное дѣло! (Воетъ голосомъ.) Охти! хти! хти! хти! Прости моя сударынька, прости моя милая! Лишилась, видно, я тебя на вѣки! Во вѣки знать мнѣ тебя не увидѣть уже болѣе.

Гж: Сладоумова. (Кличитъ въ безпокойствѣ будучи Лукерью.) Лукерья, Лукерья, говори между тѣмъ, пожаласта, что нибудь съ дочерью, чтобъ она не слыхала этой шутки.

Луке-

Лукерья. Да и такъ она, Сударыня, думаю я, мало слышитъ то.

Гж: Сладоумова. (Урванцу.) Что же дѣлать, другъ мой, пришло инъ потерпѣть.

Урванецъ. Потерпѣть, Матушка! — Да воможно ли, чтобъ дочь, родимая моя дочка, въ которой я всю и надежду то полагаю свою, попалась въ руки незнакомова, которой можетъ быть изъ числа первыхъ плутовъ и мошенниковъ, сорвавшихся лишъ съ висилицы. — Да и можетъ ли, разсудите милостиво, Сударыня, онъ честнымъ человѣкомъ быть, когда такимъ похабнымъ образомъ поступаетъ?

Гж: Сладоумова. Да чтожъ дѣлать, матка моя, скажи мнѣ? Вить и по неволѣ ты теперь на то согласится принуждена будешъ, хотя бы и не хотѣла ты тово вовсе.

Урванецъ. Ахъ! Сударыня, оставить ее въ рукахъ такихъ непотребныхъ,

та-

такихъ плутовскихъ, не страшно ли и подумать то! — (Къ Неудачину.) А ты, ты мерзавецъ, еще осмѣливаесся и на глаза мнѣ казатся? — Вонъ злодѣй, плутъ, душегубецъ. Вонъ, чтобъ духъ твой непахъ здѣсь разбестія. —

Г: Неудачинъ. Матушка, Сударыня, право эта, каналія бабенка меня скоро выведетъ изъ терпенія.

ЯВЛЕНІЕ XVI^е.

Гж: Слабоумова, Г: Неудачинъ, Урванецъ, Лукерья, Г: Передѣловъ и Маремьяна.

Г: Передѣловъ. (Вводитъ Маремьяну переодѣтую въ другое маскерадное платьѣ, и начинаетъ говорить съ Урванцомъ.) Вотъ, я вамъ привелъ, Сударыня, теперь дочь вашу. Время ужъ пришло открыть намъ предъ вами о взаимной нашей склонности другъ къ другу.

Урва-

Урванецъ. О, неблагодарное изродье! О ты душегубецъ рода человѣческова!

Г: Передѣловъ. Примите на себя трудъ, Сударыня, выслушать терпѣливо меня и всѣ оправданіи любезной дочки вашей. Все, что я ни сдѣлалъ по мнѣнію вашему худова, было произведено съ тѣмъ только единственно намѣреніемъ, чтобъ соединится съ нею навсегда законнымъ бракомъ; а какъ я, будучи лишенъ вовсе надежды въ полученіи ея себѣ въ супруги, то и принужденъ былъ наконецъ избрать средство сіе къ достиженію своего намѣренія. — Удалось мнѣ, правда, оное произвести въ дѣйство и еще съ благополучнымъ притомъ успѣхомъ; но почитая все удовольствіе свое недовольно достаточнымъ, не имѣвъ родительскаго вашего на оное согласія, осмѣливаемся и я и она просить васъ о милостивомъ подтверждении на соединеніе сердецъ столь стра-

 стно

стно любящихся между собою. — Я называюсь Передѣловымъ; имя мое, состоянїе и имѣнїе, коими пользуюсь я, давно уже извѣстны всему городу сему. Итакъ, скажите, Сударыня, чего еще не достаетъ къ дополненїю сомнѣнїя вашего теперь?

Гж: Слабоумова. Лукерья, продолжаешь ли ты присматривать за дочерью?

Лукерья. Не тужите, Сударыня, объ ней, она и такъ уже въ не худыхъ рукахъ находится.

Г: Передѣловъ. Я вижу поэтому, что всѣ прозьбы мои напрасны; (Къ Гж: Слабоумовой.) чего ради, къ вамъ остается мнѣ возъимѣть мое прибѣжище, Сударыня. Неменѣе и васъ прошу также, Государь мой, о замолвленїи словечка въ моемъ дѣлѣ. (Обратясь къ Г: Неудачину.)

Г:

Г: Неудачинъ. Мой совѣтъ состоитъ въ томъ, чтобъ соединить васъ навседа, Государь мой, съ этою дамою.

Урванецъ. (Даетъ ему пощочину.) Вотъ тѣ совѣтъ, вотъ тѣ совѣтъ! Узнаешъ лучше какъ давать ево впередъ.

Гж: Слабоумова. Пожалуй, голубушка, положись въ этомъ на меня: мнѣ вся фамилїя этова Господина Офицера коротко извѣстна.

Урванецъ. Такъ и ты ужъ тудажъ! На хорошеежъ, матушка, на хорошее совѣтъ изволишъ давать. (Къ зрителямъ.) Тота, какъ не свое то дитетко, такъ и сердце не болитъ. Небось бы ты другое тогда заговорила, естьли бы съ твоею то дочкою это случилось.

Гж: Слабоумова. Право, я бы безъ всякой остановки учинила это. Вотъ тебѣ моя рука въ томъ.

Урва-

Урванецъ. (Подумавши нѣсколько.) Ну, инъ, такъ и быть ужъ мнѣ, вить и впрямъ не воротить тово болѣе, что сдѣлано. Будь же инъ такъ на васъ мое родительское благословенїе.

Г: Передѣловъ. (Целуетъ руки у Урванца.) Ахъ! возможно ли! — Не достаетъ уже словъ у меня болѣе, Сударыня, къ наичувствительнейшему изъясненїю вамъ моей искреннѣйшей благодарности за оказанную вами мнѣ столь великую услугу. — Сими почтенїя достойнѣйшими словами вашими, возбудили вы меня, такъ сказать, отъ глубокаго сна, и все, что ни вижу, и что ни слышу я теперь, почитаю неменѣе, какъ на яву, что прежъ сего приписывалъ только одному привидѣнїю. — Вы меня одолжили, Сударыня, этимъ навсегда, и принудили дражайшее имя ваше содержать по смерть безпрастанно въ памяти моей. — Все теперь состоитъ въ вашей волѣ; мое имѣнїе, мой домъ и самая жизнь моя нахо-

находятся нынѣ во власти дражайшихъ рукъ вашихъ. Дѣлайте со мною что хотите, будте, Сударыня, намъ во всемъ повелительницею и самою матерью столь любящихъ чадъ вашихъ. — Но чтобъ не дать случая между тѣмъ говорить нѣкоторымъ изъ недоброхотовъ моихъ, узнавшихъ можетъ быть какимъ ниесть образомъ о учиненномъ мною похищенїи любезной дочери вашей и о ненастояще законномъ бракѣ семъ, которое ихъ болтанье можетъ иногда послужить и въ худую сторону, какъ въ разсужденїи меня, такъ неменѣе и дочки вашей, то осмѣливаюсь просить васъ, Государыню мою, подтвердить согласїе ваше на сей бумашкѣ, (Подаетъ бумагу.) чтобъ тѣмъ отвратить ихъ отъ ложныхъ на меня предразсужденїй.

Урванецъ. (Взявъ бумагу и сѣвши подписываетъ оную.) Желаю, други мои, какъ вамъ, такъ и будущимъ дѣтямъ,

 внуча-

внучатамъ и правнучатамъ вашимъ всякова благополучія.

Г: Передѣловъ. (Оборачивается потомъ къ Гж: Слабоумовой и Г: Неудачину.) А вами, Всѣмилостивѣйшіе Государи мои, яко дѣйствительно первѣйшему источнику всего моего теперишняго щастія, будучи весьма много обязанъ, не знаю я чемъ и возблагодарить за столь щедро изліянныя вами на меня благодѣяніи. Надѣясь же во всемъ на васъ, дорогіе милостивцы, приемлю смѣлость просить о подписаніи также и вашего на оное согласія.

Гж: Слабоумова. Съ охотою, Государь мой, и еще съ немалымъ удовольствіемъ исполню я то, естьли вамъ только угодно, (Взявъ бумагу подписываетъ.)

Г: Передѣловъ. (Подавая бумагу Г: Неудачину.) Теперь, конецъ всего моего благополучія зависитъ только отъ васъ, Милостивой Государь мой.

Г:

Г: Неудачинъ. Я весьма, Судырь, почту себя щастливымъ, удостоясь сдѣлать вамъ угожденіе тѣмъ:

(Хочетъ брать бумагу, но Урванецъ отталкиваетъ его отъ Г. Передѣлова, говоря:)

Подпиши, подпиши самъ, что и онъ даетъ также на то свой голосъ. Онъ не стоитъ тово, чтобъ ево рука была на ряду съ протчими честными людьми.

Г: Неудачинъ. Какъ! Совѣтникъ не стоитъ тово? Что ты вздурилася что ли! Эй, берегись ты меня, некорыстная бабенка! Я ужъ молчу, молчу, да наконецъ какъ изъ терпенія выду, такъ будешь ты раскаиватся непоединову,

Г: Передѣловъ. (Указывая на мнимую Маремьяну.) Это что за дѣвица, Сударыня, не можетъ ли и она быть соучастницею моего щастія?

Гж: Слабоумова. То есть, моя дочь?

Г:

Г: Передѣловъ. А это развѣ дочка ваша? Ахъ, какъ же бы я счастливъ былъ, естьлибъ и ея прекрасная ручка приложена была во свидѣтельство мое!

Гж: Сладоумова. Съ охотою, батюшка, это ничево не значитъ. (Кличетъ.) Маремьянушка, поди радость моя, сюда.

Лукерья. (Вставая со стула, беретъ подургу свою за руку.) Теперь должно вамъ дать руку вашу Господину Совѣтнику, назначенному Матушкою вашею вамъ въ супруги.

(: Неудачинъ беретъ мнимую сiю Маремьяну за руку, а пришедъ къ концу театра примѣчаетъ невзначай по причинѣ распахнувшейся домины разорванное и замусленное на ней платье, потомъ, сорвавъ съ нее маску, видитъ вмѣсто Марем ьяны негодную деревенскую дѣвчонку)

Г: Неудачинъ. (съ удивленiемъ.) Что это такое! Какое престрашное чудо, вижу я!

Гж:

Гж: Сладоумова. (въ отчаянiи) Что! — Дочь моя! Ахъ! — Гдѣ она? Гдѣ ты, Марeмьяна, дѣвалась?

Марeмьяна. (Скинувъ маску.) Я здѣсь Матушка, Сударыня.

Гж: Сладоумова. Что! Что я вижу! — Такъ это ты! — О безстыдная тварь! Ты осмѣлилась уйти отсюдова безъ дозволенiя матери своей! Да еще съ кѣмъ? Съ незнакомымъ вовсе человѣкомъ? — И ты, мерзская, отваживаеся со мною шутить такъ? Ахъ, до чево дожила я! Меня омбанываетъ родная моя дочь! О, Судьба! Конечно наказуешъ ты меня этимъ за грѣхи мои?

Г: Неудачинъ. (въ сторону громко.) Кто бы подумалъ только отъ нее быть такому лукавству!

Г: Передѣловъ. Простите мнѣ, Сударыня, сiе. Я всему былъ одинъ причиною.

Гж:

Гж: Слабоумова. (Отталкиваетъ его съ сердцемъ отъ себя.) Оставте меня, Сударь, въ покоѣ.

Маремьяна. (Плачучи.) Любезная моя Матушка, сжа —

Гж: Слабоумова. Пошла съ глазъ моихъ долой, негодная.

Г: Передѣловъ. (Становится на колѣни предъ Гж. Слабоумовой.) Умилостивитесь, Судырыня, внимая прозьбы нечаянно сдѣлавшегося обладателемъ того сердца, которое болѣе уже пяти лѣтъ безпрестанно обожаемо было, сжальтесь на текущей ручьями источникъ слезъ человѣка, колѣнопреклонно предъ вами просящего милости вашей, и ожидающего себѣ прощенія въ преступленіи, безъ всякаго злаго умысла имъ учиненнаго. Вспомните то, что уже вы сами отдали ее въ супруги мнѣ, подтвердивъ и на письмѣ то. Итакъ, прошу васъ, Сударыня, прошу убедительнѣйшимъ обра-

образомъ не лишать меня болѣе всего щастія, полагаемаго мною во владѣніи прекрасною ея особою.

Гж: Слабоумова. Встаньте, Судырь, Встаньте. Сколько женихъ причиною нещастія моего, столько немене и матерняя глупость имѣетъ въ томъ участія, вижу я. Что дѣлать? Теперь уже пособить нечемъ болѣе. Что сдѣлано, тому видно такъ и быть. Владѣйте ею, и живите вмѣсти, естьли судьба соединила васъ вкупѣ сверьхъ чаянія и желанія моево. Будте щастливы, и наслаждайтесь взаимно удовольствіемъ отъ соединенія вашего.

Г: Передѣловъ. (Въ изумленіи отъ радости.) Что слышу я! Не во снѣ ли представляются мнѣ говорящія уста сіи? Нѣтъ, нѣтъ! На яву облобызаю я милосердыя сіи руки, (Цѣлуетъ руки у Гж: Слабоумовой.) соглашающейся добровольно на священной союзъ дѣтей своихъ матери.

Гж:

Гж: Слабоумова. Мое собственное дурачество, моя глупая неосторожность принуждают и нехотя меня предсоглашатся теперь на оное, не смотря на то, что предчувствую я все злощастїе от тово.

Г: Передѣлов. Во мнѣ, во мнѣ будьте увѣрены, Сударыня.

Маремьяна. Какую благодарность могу воздать я теперь вам, виновница моего благополучїя!

Г: Неудачин. (К зрителям.) О время, о суета! Какїя не призводите вы перемѣны в свѣтѣ!

Маремьяна. Государь мой, добродѣтельная женщина избѣгает наивеличайшей опасности в жизни, удаляя себя от такова человѣка, каковы вы есть.

Урванец. (Сбросив с себя между тѣм женское платье.) Ну, добрыя бояра, теперь и до меня добрела череда пропѣть свою пѣсенку. — Во мнѣ, предстоящем пред вами мизирном дыханїи, видите вы настоящево господина сво-раплета этой достойной четы. В моей особѣ познавайте вы, Государи мои, сочинителя сих каверз. Я был помощник в намѣренїях командира и милостивца моево. Я служил депутатом вѣстей полюбовницѣ ево, и в том же самом званїи отправлял должность эту от ея милости ево благородїю. Я изобрѣтатель отсмѣшки приказной косточки, учиненной теперь. Я дарователь ему оплѣухи за преподаваемой им благой совѣт на собственное ево нещастїе; и я самой то тот обманщик, которой принудил вас, Милостивая Государыня, наконец самих согласится выдать за-мужь дочку вашу, а ево, господина Совѣтника, назначенную невѣстушку. Итак, как бы то нибыло, да дѣло уже кончено. Слѣдовательно, знать будущево нельзя; а воротить прошедшева

шева и тово менѣе. Чтожъ? — Осталось теперь только меня за труды, понесенныя при семъ случаѣ, наградить щедрою рукою. Но какъ я, благодаря Бога, всемъ доволенъ и предоволенъ; ни въ деньгахъ нужды не имѣю, въ харчѣ, по милости благодѣтеля моево, не терплю никакова недостатка, ни на одежду, ни на обувь не могу пожаловатся, а сверьхъ тово еще всѣ меня любятъ, и по своей милости жалуютъ, всѣ мною довольны, всѣ меня величаютъ, и каждой съ удовольствїемъ со мною обходится; то и не требую я себѣ ни отъ ково ничево; (Оборачивается къ Гж: Слабоумой.) а прошу только васъ, Милосердая Боярыня, сдѣлать мнѣ награжденїе, выдачею дорогой для меня Лукерьюшки мнѣ вышеимянованному ея хахалю, которова лицо теперь я между вами представлять здѣсь честь имѣю.

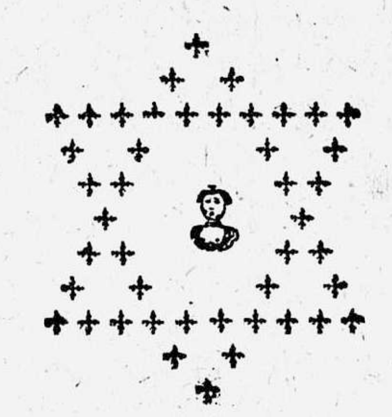
Гж: Слабоумова. Возми, возми пожалуй ее, и дѣлай съ нею все, что

тебѣ на умъ ни взбредетъ, только чтобъ ея духъ непахъ болѣе въ моемъ домѣ.

Г: Передѣловъ. (Къ Г: Неудачину.) А вы, Государь мой, будучи мною совсемъ нечаянно столько обижены, хотя и имѣете безспорно право изливать на меня весь гнѣвъ вашъ до самаго гроба вашего; однакожъ, имѣя нынѣ всѣ средства къ полученїю желаннаго вовсе пресѣкшими, перемѣните лучше гнѣвъ вашъ на искренное дружество ко всему дому нашему, гдѣ вы безсомнѣнїя найти можете всегда желающихъ вамъ всякаго благополучїя и пекущихся о пользѣ вашей неменѣе, какъ бы и о собственной.

Г: Неудачинъ. Совершенной бы я уже дуракъ былъ тогда, естьлибъ захотѣлъ остатся долѣе въ компанїи такихъ людей, которыя причиною всево моево нещастїя; но надѣюсь притомъ,

Государь мой, что сыгранная вами надо мною шутка, не будетъ предана совсемъ забвенію и оставлена вовсе. Показалъ бы я, можетъ быть, и теперь еще вамъ въ себѣ человѣка, знающево довольно награждать за обиды, естьли бы только не мѣшала тому ночь, и не принуждала меня оставить дѣло это до завтрева, потому что, Сударь, утро вечера мудренѣе.

ОПЕЧАТКИ.

стран:		строк:	напеча:	читай.
13 я,	—	15 я,	о васъ . речь.	о васъ речь.
41	—	4	подходи	подходя
	—	13	Сцѣлыя	Цѣлуя
48	—	3	не что около	что не около.
57	—	21	всѣто	всѣ
58	—	16	и уменя по- давно	у меня и по- да вно
66	—	13	Милостивой	и Милостивой
69	—	18	Не лѣпую,	Нелѣпую,
71	—	14	съ шемъ	съ тѣмъ
85	—	5	я уборѣ:	уборѣ:
	—		не постарался сялиодѣтся щегольски?	не п остарал- по ли я одѣт- пощегольски?
86	—	19	въ и рука хъ	и въ рукахъ
		20		и
	—	22	давотъ	да вотъ
87	—	5	о матушин- комъ	о матушки- номъ
88	—	10	натвержи- ваеть	натвержи- вать
89	—	17	въ глазамъ	въ глазахъ
		23	Выскакивзя	Выскакивая
93	—	19	Лукерь	Лукерья

страницъ:	строк:	напеча:	читай.
95 —	17	своь	свою
96 ---	4	Гж:	Г.
108 —	9	подургу	подругу

